Fonvizin, S. P

Konets dnevnika Rasskoz

КОНЕЦЪ ДНЕВНИКА.

РАЗСКАЗЪ

С. Фонвизина.

МОСКВА.

1894.

КОНЕЦЪ ДНЕВНИКА

РАЗСКАЗЪ.

С. Фонвизина.

МОСКВА.
Типографія „Разсвѣтъ", уголъ Воздвиженки и Кисловки, д. Шмитъ.
1893.

Дозволено цензурою. Москва, іюня 30 дня 1893 года.

КОНЕЦЪ ДНЕВНИКА.

27-го марта. — Теперь безъ десяти два. Черезъ десять минутъ я возьму револьверъ,—онъ осмотрѣнъ и лежитъ рядомъ, на столѣ,—отойду къ дивану и пущу себѣ пулю въ лобъ. Прощай Сережа!—*Конецъ.*

Коротко и ясно, даже „конецъ" поставилъ! А написано это ровно часъ тому назадъ, и я продолжаю сидѣть передъ тетрадью и думаю, думаю... Я заносилъ въ этотъ дневникъ выдающіяся событія своей жизни—было бы несправедливо не отмѣтить въ немъ и этого послѣдняго факта. И я отмѣтилъ.

Но потомъ мнѣ пришла въ голову мысль — теперь я удивляюсь, какъ она не пришла мнѣ раньше,—мысль, заставившая меня солгать на этихъ страницахъ въ первый и, надѣюсь, въ послѣдній разъ. Вотъ эта мысль. Дневникъ свой я веду уже много лѣтъ; теперь умирая, я оставляю его сестрѣ; отъ нея получитъ его Сережа, когда выростетъ. Мнѣ кажется, что замѣтки каждаго человѣка, разъ онѣ правдивы, должны представлять извѣстный интересъ, особенно для сына. Но, въ такомъ случаѣ, не является ли мой „конецъ" недостаточнымъ. Коротко и ясно! сказалъ я. Но ясно ли? Ясно, какъ фактъ, конечно; ну, а причины? Вѣдь даже въ „Дневникѣ происшествій" пишутъ: „о причинахъ, побудившихъ его къ самоубійству, производится дознаніе". Не разсказать ли и мнѣ все? Какъ! опять копаться въ этой грязи, опять краснѣть за себя и другихъ, опять мучительно

перебирать все то, отъ чего сердце ноетъ и обливается кровью?! И это послѣ того, какъ былъ уже готовъ со всѣмъ этимъ покончить навсегда! Ну, чтожъ? Я столько выстрадалъ за это время, что нѣсколько дней лишнихъ, право, немного значатъ. Впереди, все равно, смерть, забвеніе; а это главное: это успокоиваетъ. Съ той минуты, какъ я понялъ, что этимъ кончу, мнѣ стало гораздо легче.

Нѣтъ, положительно, чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ эта мысль представляется мнѣ привлекательнѣе. Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ дойдетъ до Сережи моя исторія. Положимъ, сестра знаетъ все, знаетъ такъ, какъ было въ дѣйствительности; но успѣетъ ли отъ нея узнать Сережа? Да и разница все-таки будетъ большая. А если не успѣетъ, и онъ узнаетъ отъ другихъ? Воображаю, что они ему разскажутъ! Вѣдь для другихъ во всемъ томъ, что случилось, виноватъ я; иные, какъ напримѣръ Софья Михайловна, прямо называютъ меня злодѣемъ, извергомъ. И пусть, мнѣ все равно. Ни горечи, ни злобы не возбуждаютъ во мнѣ ихъ отзывы. Мнѣ все равно, но только не относительно Сережи. Я не хочу, чтобы онъ нехорошо думалъ о своемъ отцѣ. Я не буду себя оправдывать, не стану обвинять Катю, я разскажу все такъ, какъ было. Мнѣ кажется, этого будетъ достаточно, чтобы Сережа не назвалъ меня „извергомъ". Мнѣ кажется,—стало быть, я не увѣренъ? Пожалуй, что и такъ. За послѣднее время въ моей бѣдной головѣ все до того перепуталось, что иногда мнѣ серьезно начинаетъ казаться, будто я, на самомъ дѣлѣ, виноватъ, а Катя и другіе—правы.

Вотъ также и это: ужъ очень мнѣ хочется, хоть немного, разобраться, понять... Странно! Человѣкъ рѣшилъ умереть—ну, какіе тутъ, подумаешь, разборы! Очень нужно! Можетъ быть и не нужно, можетъ быть и странно... но мало ли въ жизни странностей! Вотъ мнѣ кажется, что кругомъ меня все какъ-то странно: то, что случилось — странно; то, что я испытываю — странно; все, все—странно. И тѣмъ не менѣе, все это факты, все это было и есть.

Да, разобраться хочется. Удастся ли? Не знаю, не легко

это. Мало ли я объ этомъ думалъ, хотя, правда, какія же то были думы? Скорѣе чувствовалъ, чѣмъ думалъ. Такъ, какіе то обрывки мыслей... Только-что ухватишься за одну, другая отгоняетъ первую; а тамъ третья, четвертая... Сумбуръ какой-то! Да и ложь не замѣтна. А сколько ея, умственной-то лжи; невольной, положимъ, но вѣдь это все равно: путаетъ, мѣшаетъ она одинаково. А на бумагѣ легче: мысли можно закрѣпить, привести въ порядокъ.

Нѣтъ, такъ нельзя: надо разобраться, надо понять. Къ какимъ бы результатамъ ни привелъ меня этотъ разборъ — все равно, я буду писать. Страшно только: буду ли я въ состояніи говорить обо всемъ этомъ хладнокровно, sine ira et studio? Смогу ли отнестись къ себѣ, къ Катѣ, ко всѣмъ вполнѣ безпристрастно, стать въ положеніе репортера, которому нѣтъ никакого дѣла до разыгрываемой передъ нимъ драмы, но который внимательно за нею слѣдитъ, такъ какъ обязанъ дать о ней отчетъ? Выйдетъ ли мой отчетъ безпристрастнымъ? Не знаю, но за одно ручаюсь: лжи въ моемъ разсказѣ не будетъ. Правда, и только правда. Лишь замѣчу, что рукою моей начинаетъ водить нехорошее чувство, тотчасъ же брошу перо и—ни слова, пока не успокоюсь. А теперь начну.

Это было 6-го марта, слѣдовательно, ровно три недѣли тому назадъ. Утромъ, брѣясь, я нечаянно уронилъ бритву и порѣзалъ себѣ палецъ,—порѣзалъ довольно сильно, такъ какъ съ трудомъ остановилъ кровь. Поискавъ старой перчатки, чтобы сдѣлать изъ нея чехолъ для пальца, и не найдя, я отправился съ той же цѣлью въ Катину уборную. Кати не было дома,—по случаю воскресенья она ушла въ церковь, — горничная также куда-то скрылась, и мнѣ пришлось искать самому. Только что я отворилъ одинъ изъ ящиковъ комода, какъ увидѣлъ, что на днѣ ящика лежала свернутая въ комочекъ старая перчатка. Я ее взялъ, хотѣлъ было идти къ себѣ, но почувствовавъ, что въ ней что-то завернуто твердое, сталъ развертывать. Смотрю — сложенная вчетверо визитная карточка; что-то написано. Машинально про-

челъ и сразу не понялъ; хотѣлъ уже бросить назадъ въ ящикъ.. Но какая-то странная, мгновенная, ноющая боль въ сердцѣ остановила руку и заставила меня прочесть еще разъ, потомъ еще и еще. И вдругъ я почувствовалъ, что на меня надвинулось что-то огромное, черное, страшное, со всѣхъ сторонъ охватило, сдавило клещами голову и тысячами иглъ впилось въ сердце...

Помню, когда я очнулся, я лежалъ на полу, и первою моею мыслью было бѣжать, бѣжать изъ этой комнаты, какъ можно скорѣе, чтобы меня не поймали, какъ вора, на мѣстѣ преступленія... Я посиѣшно схватилъ валявшуюся на полу карточку, завернулъ ее кое какъ въ перчатку, сунулъ на прежнее мѣсто и на цыпочкахъ, осторожно, пробрался къ себѣ въ кабинетъ.

Съ тѣхъ поръ я этой карточки не видѣлъ,—но написанное на ней огненными буквами врѣзалось въ мою память. Всего нѣсколько словъ: „Воскресенье никакъ нельзя, придется отложить до среды. Тамъ же, у Дюссо. Цѣлую тысячу разъ. Если твой медвѣдь вдругъ вздумаетъ не ѣхать въ Гатчину, черкни словечко. Не опаздывай“. И все. Подписи не было, да ея и не надо: на чужихъ карточкахъ такихъ вещей не пишутъ. А потомъ, не все ли равно—тотъ ли, другой, третій...

Что я тогда чувствовалъ? Припоминая тѣ первыя минуты, вижу, что вначалѣ было смутное, неопредѣленное ощущеніе чего-то смертельно-страшнаго, невозможнаго, до нельзя мучительнаго. Меня, какъ говорится, „пришибло“, и я еще не пришелъ въ себя. Но потомъ мною овладѣла бѣшеная злоба, и я заметался по кабинету, какъ звѣрь, ломая все, что попадалось подъ руки. Войди тогда Катя—и, нѣтъ сомнѣнья, я убилъ бы ее на мѣстѣ. Послѣ этого я какъ будто немного успокоился, и тотчасъ же явился вопросъ: что мнѣ дѣлать? „Конечно, убить! И ее, и его убить!“ получился стремительный отвѣтъ, но лишь на мгновеніе занялъ мысль. Ну, какой же я убійца?! Наконецъ,—и только тогда,—вернулась ко мнѣ способность думать и разсуждать, слѣдствіемъ чего явилось глупое рѣшеніе: надо убѣдиться. Въ чемъ убѣдиться? Было ясно какъ день, что карточка назначалась именно Катѣ; фраза о медвѣдѣ, который долженъ ѣхать въ Гатчину,

прямо подтверждала это. Въ Гатчинѣ жила моя сестра; я ѣздилъ туда два раза въ недѣлю и какъ разъ по средамъ и воскресеньямъ. Ужъ чего, кажется, яснѣе! И тѣмъ не менѣе мое желаніе убѣдиться — теперь я это понимаю — имѣло извѣстныя основанія.

Дѣло въ томъ, что, несмотря на ясность и очевидность того, что Катя меня обманываетъ, я еще не вѣрилъ этому, не могъ вѣрить; я былъ слишкомъ далекъ отъ мысли о возможности чего-либо подобнаго. Это было такъ дико, невѣроятно... Моя Катя — и вдругъ обманываетъ! Я готовъ былъ предположить все, что угодно: карточка могла попасть къ Катѣ случайно; она могла ее найти, ну хотя бы на улицѣ, сохранить ее для курьеза—все-таки знакомый человѣкъ; наконецъ, это могла быть, просто, шутка, дурачество кого-нибудь изъ знакомыхъ. Мало ли людей ѣздятъ въ Гатчину, мало ли существуетъ людей, похожихъ на медвѣдя?!

Само собой, все это были натяжки и притомъ неправдоподобныя; но тогда и одной изъ нихъ было достаточно. Главное, была лазейка для сомнѣнія, и я ею широко пользовался.

Спрашивается теперь: если я могъ думать, что во всемъ этомъ кроется недоразумѣніе, что Катя невиновата, то почему же не пришло мнѣ въ голову обратиться къ ней прямо, попросить у нея объясненія? Почему? Да потому, вѣроятно, что настоящей-то твердой увѣренности въ ея невиновности не было. Была какая-то двойственность сознанія: съ одной стороны, разумъ, опираясь на ясное свидѣтельство карточки, говорилъ: виновна; съ другой, возмущенное чувство протестовало, заявляя: нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть. И вотъ почему глупое на первый взглядъ рѣшеніе: убѣдиться—являлось единственно возможнымъ.

А потомъ было и еще соображеніе. Я, просто, боялся, что изъ такого объясненія ничего не выйдетъ. Если Катя виновата, она не сознается, отъ всего отопрется. Чтобы сознаться въ такой вещи, надо быть очень честной; ну, а честность и подобнаго рода обманъ —несовмѣстимы. Но повѣрить ей такъ, на слово, я не могъ; предпринять же что-нибудь на основаніи однихъ лишь

подозрѣній, хотя вполнѣ вѣроятныхъ,—пока они допускали хоть малѣйшую возможность ошибки,—я также не былъ въ состояніи. Мнѣ не только надо было убѣдиться, но и такъ убѣдиться, чтобы Катя не могла сказать: „нѣтъ, я не виновата“.

Какъ убѣдиться, объ этомъ я еще не думалъ; это была подробность, о которой — потомъ. Теперь главное было-успокоиться, чтобы Катя ничего не замѣтила. И я успокоился. Облилъ голову холодной водой, подобралъ валявшіеся на полу осколки и взялъ книгу. Сѣлъ нарочно спиной къ двери, чтобы имѣть время приготовиться, когда Катя войдетъ, не сразу ее увидѣть.

Я ни о чемъ не думалъ, мыслей не было, голова была пуста; но въ этой пустотѣ, наполняя ее всю, безъ остатка, точно нарисованное гигантскими буквами, двигалось одно лишь слово: „убѣдиться“! Оно съуживалось, расширялось,—тогда отъ нестерпимой боли, казалось, голова лопнетъ, но ни на минуту не уходило, не допуская въ свое сосѣдство никакой другой мысли, стремительно выпроваживая появившіеся было вопросы: какъ? для чего? почему? „Убѣдиться, убѣдиться, убѣдиться!“ А тамъ, на глубинѣ, внутри меня — ледяной холодъ, какая-то ноющая боль и ощущеніе необъяснимаго ужаса. Это послѣднее, т.-е. ощущеніе ужаса, не покидало меня до того самаго момента, пока я не „убѣдился“. Тогда оно исчезло; ноющая же боль осталась. Точно большой червякъ впился въ сердце и сосетъ его. Вотъ и теперь я пишу, а червякъ сосетъ да сосетъ... И не перестаетъ онъ ни на минуту, и нѣтъ отъ него избавленія.

Натянутые нервы не выдержали, и я разрыдался. Давно я не плакалъ: я забылъ, какъ плачутъ; но слезы меня облегчили. Пришлось опять прибѣгнуть къ крану, послѣ чего я сталъ даже соображать, такъ что когда раздался Катинъ звонокъ, я успѣлъ выработать что-то въ родѣ плана будущихъ дѣйствій; между прочимъ рѣшилъ, что сегодня, по обыкновенію, поѣду въ Гатчину.

— Завтракъ! Давайте скорѣе завтракъ!—еще изъ передней услышалъ я Катинъ голосъ, громкій, веселый. Шаги все ближе,

ближе... Отворилась дверь... А я не могу сладить съ внезапной дрожью и, стискивая до боли зубы, проклинаю себя за малодушіе. Но вотъ двѣ мягкія руки обхватываютъ сзади мою шею, и низкій, бархатный голосъ нѣжно шепчетъ:

— Ну, здравствуйте... Этакой бука,—не можетъ даже обернуться!

Я невольно отшатнулся.

— Испугала... Скажите! Monsieur a ses nerfs.—Она обошла кругомъ и стала передо мной.

Я взглянулъ на нее, и веселая улыбка мгновенно слетѣла съ ея губъ.

— Ты нездоровъ? Что...—И вдругъ вся вспыхнула, а въ глазахъ промелькнулъ испугъ.—Что, что съ тобой?—уже не понимая, очевидно, что говоритъ, докончила она и, растерянно пробормотавъ, что ей надо переодѣться, почти выбѣжала изъ комнаты.

„Виновата!"—подумалъ я, глядя ей вслѣдъ. „Поняла, по взгляду поняла, что попалась. Теперь пошла смотрѣть, все ли на мѣстѣ. А потомъ, вѣроятно, и успокоится".

Такъ оно и вышло.

За завтракомъ Катя была, какъ всегда, весела, разговорчива. Я сказалъ, что мнѣ нездоровится, и она сейчасъ же повѣрила, совѣтовала лечь, послать за докторомъ; когда же узнала, что я собираюсь въ Гатчину, возмутилась и объявила, что ни за что меня не пуститъ. И все это, какъ всегда, совсѣмъ просто, искренно. Я не зналъ, что думать, и опять сомнѣвался, и опять не вѣрилъ, что женщина, которую я такъ сильно любилъ, въ любви которой до сей минуты былъ такъ твердо увѣренъ,—что эта женщина—низкая обманщица. Я пристально за нею слѣдилъ, разбиралъ каждый ея взглядъ, каждое слово, и чѣмъ больше я наблюдалъ, тѣмъ мои подозрѣнія казались мнѣ менѣе основательными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ легче мнѣ отъ этого не становилось. Внутри меня былъ тотъ же леденящій холодъ, то же ощущеніе ужаса. Теперь только страннымъ образомъ къ нимъ примѣшивалось чувство жгучаго стыда, точно я передъ Катею

въ чемъ-то сильно провинился, точно сдѣлалъ что-то очень скверное, нехорошее. Мнѣ стыдно было на нее смотрѣть, говорить съ ней, слушать ее; досидѣть до конца завтрака я не могъ, вообще оставаться дома не могъ и раньше обыкновеннаго поѣхалъ въ Гатчину. Къ счастію, у сестры никого не было.

— Что съ тобой? встрѣтила она меня испуганнымъ возгласомъ:—На тебѣ лица нѣтъ!.. Катя... жена... — она смѣшалась и остановилась.

— Что Катя?—спросилъ я, замѣтивъ ея смущеніе.

Она какъ будто не слыхала вопроса.

— Ты нездоровъ... Зачѣмъ ты пріѣхалъ?

— Что Катя?—повторилъ я настойчиво.

— Ахъ, Боже мой, что ты на меня такъ смотришь? — и она засмѣялась дѣланнымъ смѣхомъ.—Какъ будто про твою Катю нельзя и упомянуть. Ну, просто, хотѣла сказать глупость и вовремя остановилась: хотѣла спросить, здорова ли Катя, хотя прекрасно знаю, что если бы она была больна, тебя бы здѣсь не было.

Соня лгать не умѣла, а потому выговоривъ это, еще болѣе смѣшалась, покраснѣла и отвернулась.

— Полно, Соня. Зачѣмъ ты лжешь? Совсѣмъ ты не то хотѣла сказать. Увидѣвъ меня, ты подумала, что Катя сбѣжала...

Она быстро повернулась.

— Неужели правда?! Бѣдный мой, бѣдный! — вскрикнула она, схвативъ мою руку.

— И не думала,—сказалъ я спокойно.—Вообще, теперь я уже вполнѣ овладѣлъ собой, настолько, что могъ хладнокровно сказать сестрѣ:—А ты все-таки потрудись мнѣ объяснить, какимъ образомъ такая мысль могла придти тебѣ въ голову?

Бѣдная Соня: на нее жалко было смотрѣть. Чтобы не отвѣтить прямо на мой категорическій вопросъ, она пустилась въ разсужденія, думая отдѣлаться общими фразами. Она говорила, что я напрасно даю Катѣ такую свободу; что какъ бы жена ни любила мужа, какъ бы мужъ ни былъ увѣренъ въ этой любви, все же безграничное довѣріе — ошибка; что на пути

каждой хорошенькой женщины, не говоря уже о такой выдающейся красавицѣ, какъ Катя, встрѣчается много опасностей, для успѣшной борьбы съ которыми необходима, кромѣ любви къ мужу, масса ума и характера; что мы, мужчины, и не подозрѣваемъ, какъ сильно кружатъ голову наше постоянное ухаживаніе, поклоненіе, что Катя такъ еще молода, такъ неопытна.

Тутъ я ее остановилъ, замѣтивъ, что послѣ девяти лѣтъ замужества нельзя толковать о неопытности и что, разъ я девять лѣтъ довѣрялъ Катѣ и не видалъ отъ этого никакихъ дурныхъ послѣдствій, было бы очень странно на десятомъ году и безъ всякаго видимаго основанія ограничивать ея свободу.

— А ты думаешь, девять лѣтъ безупречной жизни являются вѣрной гарантіей для десятаго года?

— Конечно, думаю. Какъ же мнѣ иначе думать?

— Ошибаешься, милый. Въ такомъ дѣлѣ, какъ увлеченіе, гарантій нѣтъ. Я сама женщина: я лучше тебя это знаю.

— Прекрасно. Но что же тогда дѣлать? Ты очень хорошо знаешь, что сопровождать всюду Катю, бывать вездѣ, гдѣ бываетъ она, я не могу. У меня работа, да къ тому же я не люблю общества. Что же остается? Запереть Катю на замокъ или нанять ей компаньонку, которая доносила бы мнѣ о каждомъ ея шагѣ? И это лишь потому, что противъ увлеченія не существуетъ гарантій!

— Зачѣмъ запирать? Довѣрять безгранично не слѣдуетъ, только и всего.

— Значитъ, постоянно подозрѣвать? Довѣрія нѣтъ—значитъ, есть подозрѣніе.

— Ну, это фраза. Гораздо проще—по пословицѣ: „береженаго и Богъ бережетъ“. А вотъ одну кататься на тройкахъ не пускать да не позволять входить въ интимныя отношенія съ людьми, о которыхъ Богъ знаетъ что говорятъ.

— Рѣшительно не понимаю, что можетъ быть дурного, если молодая женщина поѣдетъ покататься въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ; къ тому же это вполнѣ принято, а...

— Ахъ, Боже мой, принято! Вотъ теперь принято, чтобы

у каждой порядочной женщины былъ любовникъ—что же, ты и на это согласенъ?!

Все это было не то; Соня не договаривала. Надо было ее заставить высказаться опредѣленнѣе.

— Нѣтъ, Соня, ты несправедлива... какъ и всегда, впрочемъ, когда дѣло касается Кати. Ты кажется, только и думаешь, какъ бы меня возстановить противъ нея.

Это было жестоко, это была ложь; но эффектъ превзошелъ мои ожиданія.

Соня вспыхнула и широко раскрыла глаза.

— Я... хочу... тебя... возстановить,—еле выговорила она и вдругъ, махнувъ рукой, продолжала съ горячностью. — Ахъ, ты, несчастный слѣпой! Такъ знай же, что о твоей женѣ уже давно говорятъ, какъ... d'une femme à la mode... Полагаю, ты самъ знаешь, что это значитъ...

— Кого называютъ ея любовникомъ? перебилъ я.

— Кого... кого? Вешнина, если хочешь знать, вотъ кого!

— А про Оленина не говорятъ?

Но Соня уже опомнилась, съ ужасомъ взглянула на меня и вдругъ, всплеснувъ руками, расплакалась

— Паша, голубчикъ, не вѣрь, не вѣрь... Я тебѣ все такъ, зря наболтала... Глупыя сплетни однѣ... не вѣрь!

— Да я не вѣрю,—сказалъ я, принудя себя улыбнуться. — Мало ли что говорятъ!

Соня видимо была поражена моимъ хладнокровіемъ. Она не знала, какою цѣною досталось оно мнѣ.

— Удивительный ты человѣкъ! задумчиво проговорила она и потомъ цѣлый вечеръ, желая загладить вырвавшіяся въ горячности слова, ухаживала за мной болѣе обыкновеннаго, забывъ въ то же время совсѣмъ о моемъ незаслуженномъ и жестокомъ обвиненіи.

Соня—хорошій человѣкъ. Я любилъ у нея бывать. Она живетъ такъ, какъ, по моему, слѣдуетъ жить. Овдовѣвъ послѣ четырехъ лѣтъ замужства, она осталась жить въ Гатчинѣ, гдѣ служилъ ея покойный мужъ, и всецѣло посвятила себя дѣтямъ,

которыхъ у нея было двое: оба мальчика, и оба мои крестники. Ведетъ она ихъ удивительно, и, отдавъ ей теперь Сережу, я убѣжденъ, что она вполнѣ замѣнитъ ему меня. Я всегда уѣзжалъ изъ Гатчины съ чувствомъ глубокаго нравственнаго успокоенія, да и тогда, пока я тамъ находился, мнѣ было несравненно легче.

Я никогда не думалъ о томъ, о чемъ говорила Соня, о томъ, правильно ли я отношусь къ Катѣ. Это безусловное довѣріе и, какъ его слѣдствіе, неограниченная свобода, которою пользовалась Катя, были не плодомъ какихъ-либо разсудочныхъ соображеній, а явились сами собой и, насколько мнѣ помнится, съ перваго же дня свадьбы. Думать объ этомъ мнѣ не случалось, и Сонины слова меня удивили, но и только. Я даже не задалъ себѣ вопроса, справедливы ли онѣ: не до того мнѣ было, но въ памяти онѣ у меня остались. Вообще замѣчу, что я прекрасно помню все то, что происходило въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль, все, что было говорено, дѣлано другими, мои собственныя слова, поступки, ощущенія. Въ удивительно выпукломъ видѣ и строго отграниченнымъ отъ всего предшествовавшаго сохранилось въ моей памяти это время. Точно большая гора на еле холмистой равнинѣ... Судьба жестокою рукой вскинула меня на ея вершину,—ну, а соскочить съ нея я и самъ съумѣю...

Меня позвали обѣдать. Я еще не привыкъ къ своему одиночеству и каждый разъ съ тяжелымъ чувствомъ вхожу въ большую темную столовую, казавшуюся прежде такою уютною. Какъ и прежде, мнѣ служатъ два лакея; какъ и прежде, подаются мои любимыя кушанья. Все—какъ прежде... Одного только нѣтъ: ея нѣтъ... И мнѣ больно, больно... И, тѣмъ не менѣе, я ѣмъ, пью, хотя машинально, но, кажется, съ аппетитомъ. Значитъ, животъ—самъ по себѣ, а душа—сама по себѣ! Да не такъ ли это всегда? Говорятъ же, что Генрихъ I англійскій ни разу не улыбнулся послѣ смерти своего сына и наслѣдника, однако умеръ, объѣвшись миногами.

Когда я пріѣхалъ домой, Кати еще не было. Она вернулась въ третьемъ часу и, по обыкновенію раздѣвшись въ уборной, тихо, безъ свѣчи, прошла въ спальню. Черезъ пять минутъ она уже спала. Спокойный сонъ невинности! Въ эту минуту я ненавидѣлъ ее всѣми силами своей души.

Какая мучительная ночь, какъ она тянулась!.. Съ разсвѣтомъ я всталъ и перешелъ въ кабинетъ, но и тамъ мнѣ заснуть не удалось.

Изъ всего того, что говорила Соня, меня занималъ лишь вопросъ: почему Катѣ приписывали совсѣмъ не того любовника? Простая ли это ошибка, или же молва напутала только во времени, и Вешнинъ былъ Катинымъ любовникомъ раньше, уступивъ теперь свое мѣсто другому? И послѣднее было возможно, такъ какъ я понималъ, что если Катя меня обманывала теперь, то очень легко могла обманывать и прежде, а стало быть, Оленинъ, съ одинаковой вѣроятностью, могъ быть первымъ ея любовникомъ, какъ вторымъ, пятымъ и т. д.

Со времени свадьбы Катя совсѣмъ не перемѣнилась. Какою была, такою и осталась. Ровная, спокойная, всегда въ духѣ, совсѣмъ не капризная, нѣжная, любящая. Такою она была девять лѣтъ тому назадъ, такою была и сегодня утромъ. Даже перемѣнъ чисто внѣшнихъ—и тѣхъ не было.

Я вышелъ изъ дома рано, велѣвъ передать Катѣ, что у меня дѣла и что къ завтраку я не вернусь.

Побродивъ довольно долго по улицамъ, я около 12-ти часовъ зашелъ къ Борелю. Тамъ служилъ лакеемъ одинъ татаринъ, котораго я зналъ со временъ моей холостой жизни. Онъ мнѣ былъ необходимъ для выполненія моего плана, и я сильно на него расчитывалъ. Какъ-то давно мнѣ удалось избавить его отъ побоевъ пьяныхъ товарищей, и съ той поры онъ выказывалъ мнѣ какую-то совсѣмъ собачью привязанность.

Толстая, расплывшаяся француженка, стоявшая за буфетомъ, объявила мнѣ на мой вопросъ, что Иванъ уже съ годъ какъ у нихъ не служитъ, что Дюссо переманилъ его къ себѣ. Это извѣстіе меня порадовало. Если Иванъ у Дюссо,—все устроивалось

гораздо проще, не приходилось прибѣгать ни къ чьему посредству. Я перешелъ улицу и взошелъ въ подъѣздъ съ Кирпичнаго. Наверху лѣстницы меня встрѣтилъ какъ разъ самъ Иванъ, встрѣтилъ, какъ будто мы съ нимъ видѣлись вчера. Только провожая меня въ комнату, замѣтилъ сдержанно: „Давненько не изволили быть-съ". А я его не видѣлъ уже лѣтъ пять.

Подавъ мнѣ карточку, онъ въ выжидательной позѣ остановился у двери.

— Ну, позавтракаю я послѣ, а теперь потолкуемъ. У меня есть до тебя дѣло.

Его умные маленькіе глаза выразили удивленіе; но онъ ничего не сказалъ, лишь наклонилъ голову на бокъ, собираясь внимательно слушать.

— Ты офицера Оленина знаешь?

— Какъ не знать-съ!—онъ широко улыбнулся:—очень даже хорошо знаемъ-съ. Баринъ хорошій, настоящій баринъ.

— Часто онъ здѣсь бываетъ?

— Постоянно бываютъ-съ... Рѣдкій день, что не заходятъ-съ.

— Одинъ или съ кѣмъ-нибудь?

— Какъ случится-съ: когда одни, а когда и въ компаніи-съ.

— А съ дамами?

— И съ дамами бываютъ-съ.

Я задавалъ лишніе вопросы какъ-то невольно. Мнѣ неловко было распрашивать.

— Не знаешь ли ты даму, съ которой онъ здѣсь часто бываетъ... всего чаще по средамъ и воскресеньямъ?

— Бываютъ... Это точно-съ. А кто—не знаю-съ. Изъ порядочныхъ.

Изъ „порядочныхъ"! Какая злая насмѣшка!

— Опиши, какова изъ себя?

Катя... Нѣтъ сомнѣній—она. Посторонній—и тотъ бы узналъ! Но какова наблюдательность: даже походку съ маленькимъ перевальцемъ—и ту замѣтилъ, родинку на правой щекѣ—и ту не забылъ.

— Всегда въ одни и тѣ же часы являются?

— Постоянно-съ вечеромъ, около семи... Къ этому времени и комнату оставлять приказываютъ-съ. Только вотъ последнее воскресенье не были-съ.

— Всегда одну и ту же?

— Всегда-съ. Пятый номеръ.

„Ну, конечно, пятый. Это и такъ было ясно".

— И долго остаются?

— Нѣтъ-съ. Часа два, много—три. Къ десяти всегда уходятъ-съ.

Я все зналъ, что требовалось. Теперь оставалось главное.

— Ну, вотъ что, Иванъ,—и голосъ мой глупо задрожалъ:—въ среду они, по всѣмъ вѣроятіямъ, будутъ... Я хочу ихъ видѣть и слышать... Можешь ты мнѣ это устроить?

Теперь Иванъ смотрѣлъ на меня съ нескрываемымъ изумленіемъ; потомъ онъ нерѣшительно почесалъ затылокъ и, наконецъ, тихо проговорилъ:—Слушаю-съ.

Я вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Назначь самъ, сколько ты за это хочешь. Я заплачу впередъ.

Онъ тряхнулъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, ужъ чего-съ... Этого за деньги сдѣлать нельзя-съ... Только для васъ, потому отказать не могу-съ. Вотъ ежели мѣста лишусь, ужъ не оставьте-съ.

Я его успокоилъ, сказалъ, что никто объ этомъ не узнаетъ, что я только посмотрю.

— И больше ничего. Но какъ же ты это устроишь?

— Оченно просто-съ: оставлю за вами сосѣднюю комнату-съ.

— Ну, и что же? Услышать я, положимъ, услышу; а видѣть?.. Вездѣ спущенныя портьеры.

— Это ничего-съ. Да вы пожалуйте, взгляните сами-съ.

Мы прошли весь корридоръ, почти до конца, и вошли въ небольшую комнату. Иванъ пододвинулъ къ стѣнѣ стулъ.

— Извольте-съ встать и приподнять картину.

Я влѣзъ на стулъ и сдвинулъ маленькую, дрянненькую олеографію, изображавшую какую-то голую нимфу.

— Пробочку выньте-съ,—сказалъ Иванъ.

Стѣна въ этомъ мѣстѣ была пробуравлена. Я приложилъ глазъ къ дырѣ. Отлично! Столъ съ диваномъ находились какъ разъ передо мной; даже была видна дверь, ведшая во вторую, темную комнату.

— Что же это у васъ во всѣхъ нумерахъ такъ?—не удержалъ я вопроса.

Въ отвѣтъ Иванъ лишь сдержанно хихикнулъ.

Я былъ доволенъ. Теперь я былъ увѣренъ, что мнѣ удастся „убѣдиться“. Оставалось только хорошенько прибрать себя къ рукамъ, чтобы какъ-нибудь не возбудить Катиныхъ подозрѣній; но это...

Телеграмма отъ Сони. Сережа заболѣлъ. Надо ѣхать.

Только-что вернулся изъ Гатчины, гдѣ прожилъ три дня. У Сережи—брюшной тифъ. Докторъ говоритъ, что болѣзнь идетъ правильно, осложненій нѣтъ и опасности не предвидится. Что скажетъ девятый день?

Когда я пріѣхалъ, Сережа былъ въ бреду. Я просидѣлъ надъ нимъ всю ночь, и почти всю ночь онъ метался и болталъ безъ умолку. Все больше—воспоминанія ранняго дѣтства. И, прислушиваясь къ его лепету, я самъ какъ бы переживалъ то время, то счастливое время. Вотъ онъ медленно и внятно шепчетъ: „и папу, и маму“, и киваетъ головой, и улыбается, —улыбается той же лукавой улыбкой, какою улыбался трехъ лѣтъ, отвѣчая на вопросъ, кого онъ больше любитъ: папу или маму? „Холодно, охъ, какъ холодно!“ жалобно выговариваетъ онъ потомъ. „Папа, не пускай, не пускай... Я боюсь!“ и машетъ ручками, вытягивая свое маленькое тѣло. Это онъ вспоминаетъ свой первый урокъ плаванія. А вмѣстѣ съ нимъ вспоминаю и я, такъ ясно, опредѣленно, какъ будто все это было вчера... Разъ онъ заметался сильнѣе обыкновеннаго, приподнялся, личико его болѣзненно сморщилось и, смотря на меня широко-открытыми глазами, произнесъ со слезами въ голосѣ: „Мама! мама!“ Потомъ,

немного погодя: „Папа, гдѣ мама?“ И не сводитъ съ меня глазъ, точно видитъ меня или ощущаетъ мое присутствіе. Потомъ снова упалъ на подушку и, весело улыбаясь, забормоталъ что-то невнятное.

А я смотрѣлъ на него и думалъ,—думалъ о томъ, что для него было бы большимъ счастіемъ умереть. Ему восемь лѣтъ, и до сихъ поръ жизнь его была полна радости и счастья. Если тамъ, въ томъ мірѣ, помнятъ, то какъ отрадно будетъ ему тамъ. А впереди, что ждетъ его? Не уйти ему отъ своей судьбы, какъ не ушелъ отъ нея и я. Мы, Аргунины, всѣ плохо кончаемъ. Въ нашей жизни женщины принимаютъ роковое участіе. Мой прадѣдъ убилъ мою прабабушку; мой дѣдъ сошелъ съ ума. Почему? Темная исторія, разъяснить которую мнѣ не удалось. Безспорно лишь то, что и въ ней была замѣшана женщина. Наконецъ, мой отецъ былъ убитъ на дуэли, тоже изъ-за женщины. А теперь вотъ и я... И Сережу ждетъ то же самое, развѣ что у него вмѣсто сердца окажется камень, и онъ не отстанетъ, какъ отсталъ его отецъ, отъ своего вѣка. И думая о томъ, что, быть можетъ, и ему придется переживать то, что пережилъ и переживаю я, я прямо говорю, что ему лучше было бы умереть. Да, я говорю это себѣ, твердо въ этомъ убѣжденъ и, тѣмъ не менѣе, чувствую, что отдамъ все, чтобы онъ остался только живъ... Противорѣчіе... Противорѣчіе, какъ во всемъ и всегда.

Я оставилъ Сережу въ хорошихъ рукахъ: за нимъ ухаживаютъ Соня и Miss. Соня—мать, а Miss—идеальная сидѣлка, и я могу быть вполнѣ спокоенъ. Я даже радъ, что опять дома: меня неудержимо тянуло къ этой тетради. Странно! Я былъ убѣжденъ, что писать это, переживать, такъ сказать, все это снова будетъ мучительно. Да оно и на самомъ дѣлѣ мучительно. Не оттого ли и тянетъ, что ужъ очень мучительно...

Тогда, послѣ Дюссо, я зашелъ на минуту домой,—сказалъ, чтобы меня къ обѣду не ждали, опять бродилъ по улицамъ, обѣдалъ въ клубѣ, откуда уѣхалъ около десяти часовъ. Кати, какъ я и надѣялся, дома уже не было.

До среды оставался всего одинъ день, который я рѣшилъ

провести дома. И безъ того Катя, должно быть, удивлена, что я пропадалъ цѣлый день. Со мною почти никогда не случалось, чтобы я не обѣдалъ дома, и это могло показаться подозрительнымъ. Возбудить же Катины подозрѣнія я боялся ужасно. Достаточно ей было замѣтить что-нибудь неладное, и она изъ осторожности (а что она очень осторожна, было видно по всему), навѣрное, отложитъ свиданіе. Но это и будетъ ужасно. Я чувствовалъ, что мнѣ не вынести долгой неизвѣстности.

День прошелъ благополучно, но за обѣдомъ я испугался. Еще утромъ, говоря о томъ, какъ она намѣрена провести день,— она всегда мнѣ это говорила,— Катя объявила, что вечеромъ поѣдетъ къ Сошальскимъ. Вѣра Сошальская была первымъ ея другомъ; у нея Катя бывала чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но я зналъ, что Соня говоря о томъ, что не слѣдуетъ мужу позволять женѣ входить въ интимныя отношенія Богъ знаетъ съ кѣмъ, намекала именно на Сошальскихъ. И дѣйствительно, репутація Вѣры была не изъ важныхъ; но когда мнѣ случалось говорить объ этомъ съ Катей, то Катя такъ горячо всегда ее защищала, такъ убѣдительно доказывала, что все это только глупыя сплетни, поводомъ къ которымъ являются, правда, немного свободное обращеніе Вѣры съ мужчинами, страсть ея къ кокетству,—что я вполнѣ вѣрилъ и не придавалъ никакого значенія тому, что приходилось нерѣдко слышать. Но теперь было совсѣмъ другое, вѣрить Катѣ я уже не могъ, и когда она сказала, что ѣдетъ вечеромъ къ Сошальскимъ, у меня тотчасъ же мелькнула мысль поѣхать туда самому.

Мои личныя сношенія съ большинствомъ Катиныхъ знакомыхъ ограничивались оффиціальными визитами и большими пріемами, на интимныхъ же вечерахъ я никогда нигдѣ не бывалъ. И у Сошальскихъ не бывалъ. Поэтому, собственно говоря, я совсѣмъ не зналъ то общество, въ которомъ Катя вращается, тѣхъ лицъ, съ которыми она чаще всего видится. Присутствовать на интимномъ вечерѣ у Сошальскихъ было крайне интересно, интересно было познакомиться съ тономъ этихъ вечеровъ, увидѣть тамъ Катю, убѣдиться, справедливы ли Сонины слова, и хотя я соз-

навалъ, что это опасно, можетъ возбудить Катины подозрѣнія,—искушеніе было слишкомъ велико, и я рѣшилъ рискнуть. И вотъ, за обѣдомъ, въ разговорѣ, между прочимъ, я сказалъ, что за послѣднее время я, кажется, очень заработался и чувствую потребность развлечься; хочу сегодня поѣхать въ оперу, а потомъ:

— Думаю,—тутъ я улыбнулся,—заѣхать даже за тобой къ Сошальскимъ.

Сказалъ это и испугался — до того мои слова произвели сильное впечатлѣніе. Катя вздрогнула и смотрѣла на меня удивленнымъ, растеряннымъ взглядомъ, и въ немъ я опять замѣтилъ выраженіе, видѣнное мною и раньше, но понятое лишь теперь,—выраженіе ужаса. Мнѣ и прежде случалось его замѣчать,—при какихъ обстоятельствахъ—не помню, но тогда я его не понималъ, а сохранилось оно у меня въ памяти потому, вѣроятно, что казалось уже очень страннымъ... Сцена въ кабинетѣ мнѣ его объяснила, и вотъ теперь опять Катя была до того поражена, что сначала ничего даже не отвѣтила, и чтобы дать ей оправиться, я обратился съ какимъ-то вопросомъ къ Сережѣ. Наконецъ, она громко разсмѣялась.

— Ну, и удивилъ же ты меня! Ты поѣдешь къ Сошальскимъ! Ха-ха-ха! Да объ этомъ завтра весь Петербургъ будетъ говорить. То-то, воображаю, они будутъ поражены. И знаешь что,—оживленно продолжала она:—я имъ ничего не скажу, пусть они ничего не знаютъ, и ты вдругъ явишься... Прелесть, прелесть!

Она, какъ ребенокъ, захлопала въ ладоши, весело улыбалась, а ея глаза попрежнему смотрѣли открыто и правдиво. И такъ естественно было все это сказано, что не будь испуганнаго взгляда первой минуты, не будь я такъ увѣренъ, что мой пріѣздъ къ Сошальскимъ долженъ ей быть непріятенъ, мнѣ никогда не пришло бы въ голову, что вся эта радость—дѣланная, фальшивая.

Въ театръ я попалъ поздно и до конца не досидѣлъ.

Я находился въ возбужденномъ состояніи и всю дорогу отъ Большого театра до Надеждинской, гдѣ жили Сошальскіе, сильно волновался. Что увижу я у нихъ? Буду ли въ состояніи сохра-

нить хладнокровіе, несмотря ни на что? А если вдругъ не выдержу? Пустяки! Такъ надо—и конецъ!

Еще на лѣстницѣ, поднимаясь къ Сошальскимъ, я услышалъ глухіе звуки рояля, которые, по мѣрѣ того какъ я поднимался, все усиливались, раздавались отчетливѣе и, наконецъ, превратились въ какой-то инфернальный галопъ, сопровождаемый шарканьемъ ногъ, женскимъ визгомъ и громкимъ смѣхомъ. „Что если это Катя такъ визжитъ!"—пришло мнѣ вдругъ въ голову. При этой мысли у меня упало сердце, я невольно повернулся и отошелъ отъ двери, но тотчасъ же мнѣ стало стыдно своей слабости. Кромѣ того, я понялъ нелѣпость такого предположенія. Катя знала, что я долженъ пріѣхать, и, конечно, не позволитъ себѣ явнаго неприличія.

Послѣ моего звонка, визгъ и шарканье прекратились; только рояль продолжала неистово гудѣть. Но вотъ и музыкантъ сразу оборвалъ, и въ наступившей тишинѣ раздались шаги лакея, шедшаго отворять дверь.

На порогѣ гостиной меня встрѣтила сама Вѣра.

— Я столько же поражена, сколько тронута. Это такая честь!—проговорила она, насмѣшливо щуря свои большіе, темные на выкатѣ глаза.—Намъ всѣ будутъ завидовать. Когда мнѣ Катя сказала, я не хотѣла вѣрить.

„Предупредила-таки", подумалъ я.

Катя сидѣла у большого круглаго стола; въ рукахъ у нея были карты. Когда я вошелъ, она, откинувшись на спинку стула, говорила съ уже немолодымъ, гладко выбритымъ господиномъ, отставнымъ дипломатомъ Каширскимъ, котораго я зналъ. Вообще, осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что изъ числа находившихся въ гостиной лицъ совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ было мало. Тотчасъ я узналъ и веселыхъ танцоровъ. Ихъ лица сохраняли еще слѣды оживленія, да они и держались всѣ вмѣстѣ, кучкой. Во-первыхъ, сестра хозяйки дома, хорошенькая Надя Борская, потомъ m-me Горталова, маленькая блондинка, со вздернутымъ носикомъ и крошечными, быстрыми глазками, про которую выражались, что у нея beaucoup de chien; высокій, плотный ар-

тиллеристъ Друцкой и худой, длинный, съ шеей страуса, статскій, фамиліи котораго я не помнилъ, но котораго звали Петромъ Васильевичемъ. Оба угла комнаты были заняты уединившимися парочками. Одну изъ нихъ я не зналъ вовсе, а другая состояла изъ извѣстной петербургской красавицы Корелиной и не менѣе извѣстнаго спортсмена, гусара Линда. Когда же Сошальская, желая мнѣ показать пріобрѣтенный ею на дняхъ рабочій столикъ съ фигурами vieux saxe, прошла со мною въ будуаръ, тамъ оказалась еще парочка. Проходя мимо сидѣвшихъ, Вѣра очень откровенно произнесла: „pardon!“ а дама, блѣдная, худая, съ большими, лихорадочными глазами, кинула на меня взоръ, полный удивленнаго негодованія.

— У васъ воздухъ насыщенъ любовью, — замѣтилъ я Сошальской, выходя изъ будуара.

Она засмѣялась.

— Насыщенъ любовью! Недурно. Сегодня, впрочемъ, еще не такъ: мало собралось... А туда,—она кивнула на будуаръ,— я никогда не вхожу иначе, какъ предварительно кашлянувъ. Болѣе одной пары туда не допускается. Самая серьезная, начинающая...

— Вотъ какъ! У васъ на-лицо, значитъ, всегда имѣются и начинающіе?

— Конечно. Вѣдь это, такъ сказать, моя спеціальность. Я—патронесса любви и до тѣхъ поръ не успокаиваюсь, пока у меня, какъ говорятъ французы, chacun не имѣетъ своей chacune.

— Однако,—замѣтилъ я, улыбаясь:—вы напрасно со мною такъ откровенны. Чего добраго, я испугаюсь и перестану пускать къ вамъ Катю.

Ея умные глаза взглянули на меня очень внимательно.

— Ну, ваша Катя въ счетъ не идетъ: она святая. Даже я... je perds avec elle mon latin.

— Святая! Но я убѣжденъ, что противъ васъ никакая святость долго не устоитъ.

Вѣра довольно улыбнулась.

— Святость мужского рода — пожалуй. А потомъ... Послу-

шайте,—она наклонилась, заглядывая мнѣ въ лицо,—послушайте, неужели вы, дѣйствительно, мужъ, способный ревновать? Вѣдь это же смѣшно. Ха-ха-ха! Въ наше-то время... Ça serait du dernier ridicule!

— Ну, само собой. Ça serait parfaitement ridicule!—отвѣтилъ я насмѣшливо, ей въ тонъ, чувствуя въ то же время, какъ во мнѣ закипаетъ злоба.

Отойдя отъ Вѣры, я подошелъ къ столу, около котораго, кромѣ Кати и Каширскаго, находились самъ Сошальскій и мужъ Горталовой, красивый мужчина, лѣтъ подъ сорокъ.

Катя играла съ Сошальскимъ въ какую-то странную игру—quick, какъ они ее назвали; Горталовъ же, лишь только я отошелъ отъ Вѣры, тотчасъ къ ней подсѣлъ и между ними завязался оживленный разговоръ.

„Ну, вотъ, теперь совсѣмъ правильно“,—подумалъ я. Дѣйствительно, „незанятой“ оказывалась одна Катя, такъ какъ оба ея кавалера не могли претендовать на роли серьезныхъ ухаживателей. Каширскій по своей старости и еще потому что, какъ я слыхалъ, былъ стариннымъ обожателемъ Вѣры;—обожателемъ серьезнымъ, денежнымъ. Сошальскій же былъ такъ некрасивъ и гадокъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, являлся здѣсь единственнымъ chacun, не имѣвшимъ своей chacune.

Признаюсь, я былъ немного разочарованъ. Я надѣялся встрѣтить у Сошальскихъ Оленина, котораго зналъ только въ лицо, такъ какъ у насъ онъ не бывалъ. Мнѣ помнилось, что Катя, говоря о тѣхъ лицахъ, которыя постоянно собираются у Сошальскихъ, называла и его. Почему не было его сегодня? Можетъ быть, онъ не пріѣхалъ случайно, а, можетъ быть, Катя его успѣла предупредить. Какъ бы тамъ ни было, но теперь этотъ своеобразный „храмъ любви“, съ его главной жрицей—Вѣрой, меня болѣе уже не интересовалъ. Съ меня было достаточно того, что я успѣлъ увидѣть, противно мнѣ было до крайности, и я ждалъ только удобной минуты, чтобы незамѣтно исчезнуть. Однако, уѣхать мнѣ не удалось. Вошелъ лакей и доложилъ, что ужинъ поданъ. Я схватился за шляпу

и только-что направился къ Катѣ, чтобы предупредить ее, что я уѣзжаю, какъ ко мнѣ подошла Вѣра, взяла меня подъ-руку и объявила, что ни за что не отпустить.

— Въ кои-вѣки собрались. Это даже нехорошо. Я вижу, что вамъ, бѣдненькому, у насъ скучно, vous êtes dépaysé... Но я беру васъ подъ свое покровительство, вы будете моимъ кавалеромъ. Qui sait? Быть можетъ, вамъ и не будетъ такъ скучно!— И она подарила меня однимъ изъ тѣхъ откровенныхъ взглядовъ, которые у женщины краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— Слушаюсь,—отвѣтилъ я, внутренно злясь;—предупреждаю, однако, что если я, быть можетъ, и изъ „бѣдненькихъ", то ужъ вовсе не изъ „смирненькихъ".

— То-есть?

— А то, что если вы не умѣрите выразительности вашихъ глазъ, я начну за вами серьезно ухаживать.

— Да неужели? Ха-ха-ха! Вы, кажется, хвастаетесь.

А я, на самомъ дѣлѣ, чувствовалъ, что мнѣ остается или сейчасъ уѣхать, или перестать быть на время самимъ собою, иначе я не выдержу. Сдѣлать первое—значило сдѣлать грубую невѣжливость,—и хотя, конечно, это было глупо, но на это у меня, просто, не хватило рѣшимости. Второе же, казавшееся очень труднымъ, съ помощью вина и Вѣры сдѣлалось довольно легко. Да и хорошо, что я не уѣхалъ. Если этотъ ужинъ не прибавилъ ничего новаго къ понятію, составленному мною о Вѣрѣ и ея гостяхъ, зато Катю онъ мнѣ показалъ совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ,—такою, какою до тѣхъ поръ я ее не зналъ.

Вѣра очень усердно подливала мнѣ вина, да и сама пила гораздо больше, чѣмъ обыкновенно пьютъ женщины. Также и Катя, не пившая дома ничего, кромѣ воды, сегодня и не думала отказываться отъ попеременнаго потчиванія своихъ сосѣдей—Сошальскаго и Друцкого.

Вообще, уже въ самомъ началѣ ужина я замѣтилъ въ Катѣ нѣчто новое, нѣчто такое, чего прежде видѣть не приходилось. Ея обычная нѣсколько строгая сдержанность исчезла: она весело, громко, казалось, отъ души смѣялась тому, что ей го-

ворилъ Сошальскій, который, какъ всегда, балагапилъ и кривлялся, не переставая. Ея лицо раскраснѣлось, глаза какъ-то особенно пытливо и тяжело останавливались на томъ, на кого смотрѣли, а не сходившая съ губъ улыбка была до того нервной, что, минутами, казалась даже дѣланною. Что же касается до остальныхъ присутствующихъ, то вначалѣ общее настроеніе было довольно тоскливое; но по мѣрѣ того, какъ опорожнявшіяся бутылки замѣнялись новыми, возростало и оживленіе. Разговоры становились громче, смѣхъ — постояннѣе и, такъ сказать, спеціальнѣе, дѣлаясь все болѣе и болѣе глупымъ, безпричиннымъ, пьянымъ.

Не всѣмъ, однако, было весело; по крайней мѣрѣ, не всѣ казались веселыми. Курносый носикъ m-me Горталовой презрительно морщился каждый разъ, какъ взоръ ея останавливался на сидѣвшемъ противъ нея Друцкомъ. Послѣдній отъ этого взгляда весь какъ-то ежился, на минуту принималъ равнодушный, безучастный видъ и отворачивался отъ Кати; но только на минуту—и вотъ, онъ уже снова наклоняется къ ней и что-то тихо ей говоритъ, а она, не переставая смѣяться тому, что разсказываетъ Сошальскій, смотритъ на Друцкого своимъ пытливымъ и тяжелымъ взглядомъ. Но раздается выразительный кашель, и Друцкой обрываетъ свою рѣчь и принимаетъ невинный видъ. Было ясно, что Горталова—особа энергическая, которая шутить не любитъ и что состоящимъ при ней въ должности chacun надо держать ухо востро.

Я обратился за разъясненіями къ Вѣрѣ.

— Царапается, кусается и дерется, — отвѣтила она, смѣясь. — У бѣднаго Друцкого очень часто все лицо бываетъ въ царапинахъ. Ну, а мужъ какъ вамъ нравится? Взгляните-ка на него,—и она кивнула на Горталова, который выглядывалъ мрачнѣе ночи и, ни съ кѣмъ не разговаривая, то-и-дѣло сердитымъ движеніемъ путалъ свои густые волосы. — Съ какимъ бы удовольствіемъ онъ меня съѣлъ, если бы могъ! Ну, да вѣдь я тоже не изъ смирненькихъ!

Поднявъ голову, Вѣра бросила на молодого человѣка вы-

зывающій взглядъ, въ отвѣтъ на который тотъ повелъ лишь нервно плечами и отвернулся.

— Тоже кусаетесь?

— Fi, вотъ еще! Какая гадость! Однако, entendons-nous: вѣдь кусанье кусанью рознь,—и опять она такъ на меня взглянула, что мнѣ стало неловко.

— Ну-съ, а это что?—указалъ я глазами на парочку, сидѣвшую до ужина въ будуарѣ, а теперь занимавшую противоположный конецъ стола.

— Я-же сказала вамъ: „начинающая“.

— Странно! Съ той минуты, какъ сѣли за столъ, они, кажется, не сказали ни слова. Онъ, какъ бочка, пьетъ вино, а она, съ неменьшимъ усердіемъ, сельтерскую воду. И не сводятъ другъ съ друга глазъ. Посмотрите, пожалуйста, — такъ и впились другъ въ друга. Даже неприлично!

— И понятно, и ничего нѣтъ страннаго! Какіе могутъ быть между ними разговоры? Имъ словъ мало—взгляды гораздо сильнѣе... Они такъ полны другъ другомъ, что ничего другого не знаютъ и знать не хотятъ и внутренно злятся на всѣхъ насъ за то, что мы, хотя и невольно, конечно, имъ мѣшаемъ. А кромѣ того, „онъ“ и вообще изъ молчаливыхъ.

— Но зачѣмъ тогда они здѣсь? Почему не поѣдутъ туда, гдѣ имъ будетъ... удобнѣе?

— Ахъ, Господи! Да потому, что нельзя же постоянно бывать въ мѣстахъ „удобныхъ“. А у меня имъ, все-таки, лучше, все-же имъ здѣсь мѣшаютъ меньше.

— Какъ хотите, странная парочка! Она еще—туда-сюда... а онъ—просто дворникъ въ мундирѣ. Что они одинъ въ другомъ нашли?

— Что онъ въ ней нашелъ—не знаю. Да ему все равно... Развѣ вы, мужчины, ищете чего-нибудь въ женщинѣ?

— Однако...

— Ну, да, знаю. Разговаривать и критиковать вы мастера. Послушать васъ, ни одной женщины васъ достойной—нѣтъ, не существуетъ. И того-то нѣтъ, и то-то плохо, этого — мало, а

того—слишкомъ много. Подай вамъ умъ Сталь, красоту Венеры, развратность Мессалины, нѣжность Лавальеръ и не знаю что еще. На словахъ вы судьи, ахъ, какіе строгіе, ну, а на дѣлѣ... а на дѣлѣ достаточно, чтобы на васъ мало-мальски сносная женщина обратила вниманіе, vous fasse, какъ говорятъ, des avances, и вы готовы, вы растаяли, приклеились къ ея юбкѣ, а чтобы утѣшить свое самолюбіе, находите въ этой женщинѣ такія достоинства, какія другимъ, ее знающимъ, никогда не снились, да которыхъ никогда и не существовало.

Я слушалъ Вѣру съ любопытствомъ: она, положительно, начинала меня интересовать.

— И всѣ такіе?

— Всѣ. Да вы не улыбайтесь... Всѣ, всѣ. И вы такой же.

— Можетъ быть, не спорю... Да это и неинтересно. А вотъ... Значитъ, онъ въ ней ничего не нашелъ, да ему ничего и не надо... ну, а она какъ? Тоже самое?

— Совсѣмъ нѣтъ: женщина—дѣло совсѣмъ другое... Прежде всего, скажите, какіе, по вашему, мужчины должны болѣе всего нравиться женщинамъ?

— Становясь на вашу точку зрѣнія, отвѣчаю довольно увѣренно: красивые и глупые.

— Ну, вамъ, кажется, еще очень далеко до моей точки зрѣнія, — насмѣшливо обрѣзала меня Вѣра. — Ни красота, ни глупость не играютъ тутъ никакой роли. Женщинамъ болѣе всего нравятся мужчины, которые ихъ любятъ. Не путайте только: я говорю о любви не къ одной женщинѣ, а къ женщинамъ вообще. Мужчина, любящій женщинъ вообще, всегда будетъ пользоваться у нихъ большимъ успѣхомъ. Почему это такъ?— не знаю. Но мы какъ-то инстинктивно чувствуемъ такого человѣка, онъ насъ притягиваетъ, иногда противъ воли даже притягиваетъ, такъ какъ случается, что такой человѣкъ и уродъ, и глупъ... А вотъ передъ вами и живой примѣръ того, что я говорю... Этотъ дворникъ въ мундирѣ, какъ вы его назвали, — онъ некрасивъ, чуть-чуть не кретинъ, невоспитанъ, грубъ, а между тѣмъ я не знаю ни одного изъ присутствую-

щихъ здѣсь мужчинъ, которые пользовались бы такимъ громаднымъ успѣхомъ у женщинъ, какъ онъ. Женщины влюбляются въ него какъ кошки, и несмотря на то, что въ наше время любовныя драмы вышли изъ моды, онъ можетъ похвастаться нѣсколькими таковыми. Я не говорю: какая-нибудь изъ ряду вонъ выходящая красота, какой-нибудь геній ума могутъ нравиться и должны привлечь женщину: но это уже будетъ исключеніемъ и ничего не доказываетъ.

Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на свою собесѣдницу. Ея красивое лицо разгорѣлось; большіе, выразительные глаза сверкали умомъ и жизнью. Если то, что она говорила, было невѣрно и одностороние, то говорила она все это умно, горячо и съ убѣжденіемъ. Я много пилъ, много смотрѣлъ на Вѣру — вино и Вѣра ударили мнѣ въ голову. До сихъ поръ я все спрашивалъ и слушалъ, но теперь и самъ заговорилъ и, вѣроятно, то, что я говорилъ, было интересно, нравилось моей сосѣдкѣ, потому что она не прерывала и внимательно слушала, не сводя съ меня большихъ глазъ, свѣтившихся теперь уже не насмѣшкой, а любопытствомъ.

А кругомъ голоса раздавались все громче, жесты дѣлались оживленнѣе, смѣхъ становился пьянѣе. Сошальскій кривлялся все больше и больше: Катинъ взглядъ дѣлался все тяжелѣе и загадочнѣе: Друцкой все чаще наклонялся къ ней и что-то шепталъ, переставъ совсѣмъ обращать вниманіе на негодующіе взоры и выразительный кашель Горталовой.

Вдругъ Сошальскій сорвался съ мѣста, черезъ минуту вернулся съ гитарой и, взявъ увѣренно нѣсколько аккордовъ, затянулъ гнусливымъ голосомъ какой-то цыганскій романсъ. Разомъ, дружно подхватили окружавшіе его припѣвъ. Я этого не ожидалъ и сначала невольно поморщился. Это было не пѣніе, а громкій, рѣжущій ухо, иногда прямо фальшивый крикъ. Въ этомъ крикѣ слышалось вино; онъ является, просто, одною изъ формъ, въ которую удобнѣе всего могъ вылиться излишекъ общаго возбужденія, и когда я это понялъ, это пѣніе показалось мнѣ вполнѣ естественнымъ, даже необходимымъ: мнѣ казалось,

что не будь его, и его мѣсто заступило бы нѣчто гораздо худшее, неприличное.

Я такъ хорошо это почувствовалъ, что даже и самъ началъ подтягивать.

— Такъ вотъ вы какой! — медленно проговорила Вѣра, какъ-то странно и натянуто улыбаясь. — Я васъ представляла себѣ совсѣмъ... ну, вотъ, совсѣмъ другимъ. Знаете..., — она нерѣшительно остановилась: — знаете, я васъ даже немножко... боялась.

— Это для меня большая честь, Вѣра Николаевна. Вы — и вдругъ боитесь!

— Жаль, что мы съ вами такъ рѣдко видимся. Мнѣ бы очень хотѣлось познакомиться съ вами поближе. — И она окинула меня такимъ яркимъ и жгучимъ взглядомъ, что у меня по спинѣ забѣгали мурашки. Я невольно отвелъ глаза и въ ту же минуту почувствовалъ, какъ на мою ногу легла мягкая женская ботинка. Я взглянулъ на Вѣру, но она, отвернувшись, что-то говорила Каширскому. Я приподнялъ носокъ — Вѣра на секунду обернулась, бросила на меня быстрый взглядъ, — и ботинка отвѣтила сильнымъ пожатіемъ.

— А онъ что скажетъ? — спросилъ я вполголоса, указывая на Горталова.

— Надоѣлъ! Охъ, какъ надоѣлъ! Вотъ какъ надоѣлъ! — Весело улыбаясь, она провела рукой по горлу.

— Ну, а этотъ?

— Этотъ? Mon ami! — она тронула Каширскаго за плечо. Тотъ быстро повернулся.

— Que désire madame?

— Павелъ Сергѣевичъ желаетъ знать, ревнивы-ли вы.

— Oh, madame! — Онъ развелъ руками и, улыбаясь, на меня смотрѣлъ, причемъ его глаза насмѣшливо смѣялись.

— Прелестно! — сказалъ я. — Ужъ о мужѣ, само собой, нечего и спрашивать.

— Само собой. Да вы посмотрите на него и на меня... Развѣ можетъ онъ отъ меня что-нибудь требовать!

Дѣйствительно, рядомъ съ пышной, дышащей здоровьемъ и

силой красотой Вѣры, маленькая, истасканная фигурка Сошальскаго, съ испитымъ лицомъ, большою плѣшью и полу-гнилыми зубами являлась еще гаже, еще непривлекательнѣе.

Въ это время пѣніе смолкло. Раздался присюсюкивающій голосъ Сошальскаго:

— А теперь ваша очередь, Катерина Петровна.

Онъ протянулъ гитару Катѣ, но та, что-то отвѣтивъ, отрицательно закачала головой.

— Какъ, не будете! — воскликнулъ Сошальскій, открывъ отъ удивленія ротъ.—Господа, что-же это такое? Катерина Петровна отказывается пѣть.

Начались упрашиванія, но Катя продолжала отказываться. Такъ какъ у нея былъ красивый голосъ и пѣла она охотно, то ея упорство показалось мнѣ страннымъ. Наконецъ, она мелькомъ, какъ-то съ боку на меня взглянула и хотя еще нерѣшительно, но взяла гитару. Раздались одобрительные возгласы.

— Нумеръ первый: „Очи черныя“! — взвизгнулъ Сошальскій.—Хоръ, прошу не зѣвать!

И Катя запѣла:

— “Очи черныя,
Очи жгучія,
Очи страстныя
И прекрасныя“...

—пѣла она, и все кругомъ стихло, всѣ, казалось, затаили дыханіе, замерли, и я сразу понялъ, почему она не хотѣла пѣть. Кати, моей Кати, больше не было. Я видѣлъ передъ собою женщину необыкновенной красоты, но совсѣмъ мнѣ чужую, и это женщина пѣла, но пѣла такъ, какъ я никогда не думалъ, чтобы можно было пѣть. Она вся пѣла. Ея голосъ — гибкій и мягкій — то становился еле слышнымъ, замирая на словахъ отчаянья и нѣги, то звучалъ всесокрушающей страстью; ея глаза то потухали совсѣмъ, то, широко раздвигаясь, горѣли такимъ яркимъ свѣтомъ, что, глядя на нихъ, духъ захватывало. Она ничего и никого не видѣла и, въ то же время, ея голосъ, лицо, глаза, вся она говорила всѣмъ и каждому: „любите меня,

берите меня, я ваша!“ И я видѣлъ, чувствовалъ, что нельзя устоять противъ этого призыва. Я видѣлъ устремленные на нее жадные, воспаленные взоры, чувствовалъ, что я самъ, ея мужъ, смотрю на нее также, не могу смотрѣть на нее иначе... Все отдать, жизнь отдать за обладаніе этой женщиной!.. И ея взглядъ—загадочный, упорный, которымъ она, въ перерывахъ между пѣніемъ, медленно обводила присутствующихъ, точно между ними выбирала—говорилъ тоже самое.

Я забылъ про свою сосѣдку, забылъ все окружающее...

Вдругъ Горталова, блѣдная, съ горящими глазами, наклонилась въ нашу сторону и черезъ весь столъ произнесла громкимъ, отчетливымъ голосомъ:

— Вѣра, почему нѣтъ сегодня Оленина?—и эффектъ этихъ словъ, хотя мгновенный, былъ поразителенъ. Всѣ разомъ замолчали, а я почувствовалъ, что на меня, точно по командѣ, обратились взоры всѣхъ. Но я смотрѣлъ на Катю. Она также на секунду какъ будто застыла, кинула на меня быстрый взглядъ, но тотчасъ же потомъ, не давъ даже Вѣрѣ времени отвѣтить, взяла сильный аккордъ и громко запѣла:

„Насталъ желанный часъ,
Никто не видитъ насъ“...

Это было сильнѣе всего того, что она пѣла до сихъ поръ. Катя подчеркивала слова, говорила больше, чѣмъ говорилъ и безъ того откровенный романсъ.

— Вакханка!—вырвалось у кого-то невольно.

— Вакханка! Ха-ха-ха! Вѣрно!—услышалъ я надъ своимъ ухомъ нервный смѣхъ Вѣры.—А вотъ и Сатиръ!—и она рукой указывала на своего мужа.

Громкое браво заглушило ея слова. Друцкой неистово аплодировалъ, покрывая Катю такимъ взглядомъ, что казалось, вотъ, вотъ, еще немного—и онъ при всѣхъ бросится ее цѣловать; а Сошальскій очутился даже на колѣняхъ и, протягивая къ Катѣ руки, визгливо пищалъ:

— Божественная! Очаровательная! Я всегда говорилъ, что вы очаровательница!

Но это былъ финалъ. Катя толкнула гитару къ Сошальскому, быстро встала и, обратившись къ Друцкому, сказала громко:

— Перчатки!

— Ну, что это, Катя... Вѣдь еще рано,—попробовала удержать ее Вѣра. Но Катя отрицательно покачала головой и прошла въ переднюю.

— Надѣюсь, вы насъ теперь не забудете, — говорила мнѣ Вѣра, ласково улыбаясь.

Я наклонился, чтобы поцѣловать ея руку. „Завтра, въ два часа, въ Лѣтнемъ саду", услышалъ я ея быстрый шопотъ. Я молча поклонился и невольно оглянулся на Катю. Друцкой запахивалъ на ней ротонду и что-то тихо говорилъ. Я видѣлъ, какъ Катя отрицательно качала головой. Вдругъ она повернула къ нему голову и, смѣясь глазами, выговорила:

— Вы, кажется, съ ума сошли?!

Друцкой низко поклонился, самодовольно улыбаясь.

— Ну, какъ тебѣ понравилось?—спросила меня Катя, когда мы сѣли въ карету. — Не правда-ли, Вѣра — прелесть?.. Какая умница!

Она наклонилась, заглянула мнѣ въ глаза и вдругъ, сбросивъ порывистымъ движеніемъ ротонду, обѣими руками обхватила мою шею и съ глубокимъ вздохомъ жадно прильнула къ моимъ губамъ.

А я, отдаваясь ея ласкамъ, думалъ,—насколько могла тогда думать моя отуманенная голова, — что именно такъ погибаютъ женщины. Я чувствовалъ, что будь на моемъ мѣстѣ другой, совсѣмъ чужой человѣкъ, и Катя цѣловала и ласкала бы его, какъ цѣловала и ласкала меня.

О, эта ночь, ночь безумія и позора,—когда я, охваченный бурной волною Катиной страсти, жадно сжималъ въ своихъ объятіяхъ, безумно ласкалъ женщину, мнѣ измѣнявшую! О, будь она проклята, эта ночь притворства и обмана, гдѣ правдивой была лишь животная страсть, — ночь торжества этой страсти

надъ всѣмъ тѣмъ, что въ моей душѣ было честнаго и порядочнаго! Будь она проклята и за то, что даже теперь я не могу выбросить ее изъ своей памяти и, краснѣя отъ стыда и презрѣнія къ себѣ, долженъ сознаться, что съ радостью жизнь отдамъ, чтобы еще разъ ее пережить. Я дрожу, вспоминая о ней, я не могу забыть ее, но я рѣшилъ умереть и умру, чтобы не допустить ея повторенія!

Вчера я не писалъ—не могъ. Сегодня утромъ поѣхалъ въ Гатчину. Тамъ все то же: болѣзнь идетъ своимъ порядкомъ, осложненій нѣтъ. Но какъ онъ, бѣдный, исхудалъ! Я спрашивалъ, присылала-ли Катя узнать объ его здоровьѣ. Нѣтъ, не присылала. А она не можетъ не знать, что онъ серьезно боленъ...

Хотѣлъ остаться тамъ ночевать, но почувствовалъ себя нехорошо и вернулся. Что-то голова тяжела и все кружится. Только-бы мнѣ самому не заболѣть—вотъ было-бы некстати.

Сегодня мнѣ также нехорошо. Нѣсколько разъ брался за перо, но ничего не выходило. Я не могу сладить съ воспоминаніями, — съ воспоминаніями далекаго прошлаго, свѣтлаго и прекраснаго... Они вдругъ и неудержимо меня охватили, отуманили голову, забрались въ сердце, и я размякъ и раскисъ. О, неужели все это прошло безвозвратно? Катя, дорогая моя, милая, я безумно люблю тебя! Катя, пожалѣй меня, вспомни... и вернись!..

„Вспомни и вернись“... Глупо и стыдно! Но все равно—вычеркивать не хочу и продолжаю.

Въ ту памятную ночь я совсѣмъ не спалъ. Лишь только Катя заснула, я тихонько всталъ, взялъ ванну и вышелъ. Былъ девятый часъ. На набережной, куда я прошелъ, не было ни души. Хлопья мокраго снѣга, гонимые сильнымъ рѣзкимъ вѣтромъ, мочили мнѣ лицо, слѣпили глаза, и я съ наслажденіемъ

шелъ имъ на встрѣчу, широко распахивая шубу. Страшно усталый вернулся я домой, но зато голова была свѣжа, и я съ честью выдержалъ послѣдніе часы лжи и притворства.

Я думалъ, что Катя къ завтраку не выйдетъ, но ошибся. Она вышла и была со мною еще внимательнѣе, еще нѣжнѣе обыкновеннаго.

— По такой погодѣ ты, конечно, въ Гатчину не поѣдешь, —увѣренно, хотя вскользь, замѣтила она, когда, вставъ изъ-за стола, мы перешли пить кофе въ кабинетъ.

— Почему? Что мнѣ погода? Вотъ если-бы ты дала мнѣ карету. Быть можетъ, она тебѣ до вечера не понадобится...

— Нѣтъ, нѣтъ, бери!—быстро отвѣтила она: - сегодня я думаю цѣлый день остаться дома.

Я нарочно попросилъ карету. Такимъ образомъ Катя могла увѣриться, что я, дѣйствительно, уѣхалъ. Да и Катя это поняла и уже больше не отговаривала меня ѣхать.

Я съ нею простился, но въ передней, надѣвая шубу, мнѣ стало вдругъ такъ тяжело, такъ невыносимо, что я нѣсколько секундъ въ нерѣшительности стоялъ на мѣстѣ. „Вѣдь это конецъ, конецъ всему"!.. отчетливо промелькнуло въ головѣ и нестерпимой болью отдалось въ сердцѣ. Это было ужасно! Я схватилъ шляпу и почти бѣгомъ спустился съ лѣстницы.

Пріѣхавъ на вокзалъ, я отпустилъ кучера, дождался, пока ушелъ поѣздъ, и поѣхалъ къ Дюссо. Было еще рано. Иванъ подалъ мнѣ бутылку вина. Я растянулся на диванѣ, съ твердымъ намѣреніемъ еще разъ хорошенько обдумать свое положеніе; но изъ этого ничего не вышло. Въ головѣ моей, какъ въ котлѣ, кипѣли и бурлили самыя разнообразныя мысли, но овладѣть ими, привести ихъ въ порядокъ я не былъ въ состояніи. Наконецъ, я забылся, даже, кажется, задремалъ. Шумъ и споръ изъ отворенной рядомъ двери привелъ меня въ себя. Я вскочилъ и бросился къ картинѣ. По серединѣ комнаты, снимая перчатки, стоялъ Оленинъ. Иванъ зажигалъ свѣчи.

— Который часъ?—лѣниво спросилъ Оленинъ.

— Безъ десяти минутъ шесть,—отвѣтилъ Иванъ.

— Ну, тамъ, какъ всегда. Закуску можешь давать теперь. Да, — остановилъ онъ уходившаго Ивана: — скажи Mr. Nicolas, что прошлый разъ мадера пробкой воняла... Чтобы этого не было, слышишь!

Бросивъ фуражку съ перчатками на подзеркальникъ, Оленинъ разстегнулъ сюртукъ и сѣлъ на диванъ; потомъ, громко зѣвнувъ, закурилъ папиросу.

А я смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и—странное дѣло —безъ всякой злобы. Онъ былъ очень не дуренъ собою. Высокого роста, стройный, съ маленькими черными усиками и прекраснымъ цвѣтомъ лица; но большіе темные глаза, подъ высоко-поставленными бровями, смотрѣли какъ-то неопредѣленно, даже глуповато, а лицо было безжизненно и напоминало красиво размалеванную фарфоровую куклу.

Онъ, видимо, былъ не въ духѣ и все хмурился; нѣсколько разъ вскакивалъ съ дивана и нетерпѣливо шагалъ по комнатѣ, подходилъ къ двери и внимательно прислушивался.

Я взглянулъ на часы: было четверть седьмого.

Вдругъ онъ насторожился. По корридору раздалось шуршанье платья и въ широко распахнутую Иваномъ дверь вошла Катя. Густая черная вуаль закрывала ея лицо, и узнать ее было трудно.

Пробормотавъ сквозь зубы: „Bonjour“, и продолжая хмуриться, Оленинъ помогъ ей раздѣться.

— Это что такое?—насмѣшливо проговорила Катя, когда Иванъ затворилъ за собою дверь:—je crois que monsieur est fâché!

И опять этотъ увѣренный, насмѣшливый тонъ былъ мнѣ незнакомъ, опять я видѣлъ совсѣмъ другую Катю.

Она положила руку къ нему на плечо, стараясь заглянуть въ глаза; но онъ, наклонивъ голову, молчалъ.

— Ну?—и она улыбаясь, слегка его толкнула.

— Желалъ бы я знать, почему вамъ неугодно было, чтобы я вчера пріѣхалъ къ Сошальскимъ,—мрачно выговорилъ онъ.

— А! ты ревнуешь! Ха-ха-ха! Bravo! Tu fais des progrès.

Она разсмѣялась, отошла къ зеркалу и стала поправлять въ волосахъ шпильку.

— Не ревную, но... все-таки... это очень странно... и я...

— Успокойся. Я не хотѣла, чтобы ты былъ у Вѣры, потому что моему мужу пришла вдругъ фантазія туда явиться.

Оленинъ широко открылъ глаза.

— Твой мужъ былъ вчера у Сошальскихъ?—удивленно протянулъ онъ.—Не можетъ быть!

— Былъ и даже очень сильно ухаживалъ за Вѣрой,—сказала съ улыбкой Катя.

— Ха-ха-ха! Воображаю, какъ онъ былъ милъ!

Но Катя вдругъ сдѣлалась серьезною.

— Я и сегодня думала не приходить. Съ нимъ что-то случилось. Меня это безпокоитъ.

— Неужели онъ подозрѣваетъ?

— Не знаю, не знаю... Но что-то есть—это вѣрно.

— Ты же сама говорила, что онъ вѣритъ въ тебя, какъ въ Бога. Помнишь: „Моя Катя! Моя Катя!“ Неужели ему можетъ придти въ голову, что „его Катя“ ему измѣняетъ?

Катя молчала, задумчиво смотря передъ собою, но вдругъ рѣшительно махнула рукой и весело проговорила:

— Ну, довольно объ этомъ... Все равно! Давай обѣдать, мнѣ ѣсть хочется. Ахъ, какъ поздно!—воскликнула она, взглянувъ на часы.—Скорѣй, скорѣй!—И, обхвативъ руками шею Оленина, громко поцѣловала его въ губы.

Обсуждая теперь съ полнымъ хладнокровіемъ и безпристрастіемъ свои поступки и чувства за всѣ эти дни горя и страданія, начиная со дня рокового открытія и до послѣдняго времени, я вижу ясно, что послѣ этого поцѣлуя характеръ моихъ поступковъ и дѣйствій измѣняется. До него,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется,—все, что я ни дѣлалъ, было довольно ясно и понятно. Быть можетъ, не всякій на моемъ мѣстѣ поступалъ бы такъ, какъ я; но во всякомъ случаѣ, въ моемъ поведеніи особенно страннаго не было ничего и оно могло быть мотивировано и объяснено довольно легко. Съ момента же поцѣлуя я

дѣлаю вещи иногда совсѣмъ безсмысленныя. Почему, напримѣръ, я добровольно пережилъ часъ такихъ мученій, передъ которыми все остальное, испытанное мною и прежде и послѣ, блѣднѣетъ, кажется сущими пустяками? Вѣдь я хотѣлъ убѣдиться. И я убѣдился, и мнѣ слѣдовало теперь уйти. А я не могъ двинуться съ мѣста, не могъ оторваться отъ проклятой дыры. Медленно, глотокъ за глоткомъ, впитывалъ я въ себя отраву того, что видѣлъ и слышалъ. Ядъ жегъ мнѣ внутренности, раздиралъ сердце. Я глухо стоналъ, руки судорожно скребли стѣну, голова кружилась. Я нѣсколько разъ принужденъ былъ сходить со стула, до того дрожали ноги; но опять вскакивалъ, смотрѣлъ и слушалъ. Но вотъ... впрочемъ, зачѣмъ это, къ чему?.. Шатаясь, отошелъ я отъ стѣны, вышелъ изъ комнаты и отворилъ дверь сосѣдняго нумера. Катя съ крикомъ отшатнулась отъ Оленина. Я подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Пойдемъ!

Но она, какъ ужаленная, отдернула руку. Она смотрѣла на меня глазами, полными ужаса, и вдругъ — точно судорога, мѣшавшая ей говорить, прошла — громко, отчаянно вскрикнула:

— Помогите! Убьетъ!

— Катя, пойдемъ... пожалуйста, пойдемъ!

Я наклонился, чтобы ее приподнять. Она вытянула руки, хотѣла меня оттолкнуть; но руки опустились, какъ плети, голова безпомощно повисла и глаза закрылись.

Въ эту минуту я почувствовалъ, что меня кто-то съ силою тащитъ за плечи. Обернувшись, я очутился лицомъ къ лицу съ Оленинымъ. Онъ что-то говорилъ. Звуки его голоса доносились до меня смутно, какъ будто издали. Вначалѣ я ничего не понималъ, да и не старался понять. „Хладнокровіе, хладнокровіе, хладнокровіе!“ быстро шепталъ я про себя, чувствуя приближеніе чего-то ужаснаго.

— Ее не смѣете... Я къ вашимъ услугамъ... Всегда готовъ,—какъ во снѣ доносился до меня голосъ Оленина.

Я опять повернулся къ Катѣ.

— Ступайте, ступайте прочь!—И Оленинъ схватилъ меня за руку.

Что-то внутри меня перевернулось, зашумѣло, поднялось, со страшной силою вылилось... и я потерялъ сознаніе.

Я открылъ глаза, вслѣдствіе ощущенія мокроты и холода. Передо мной стоялъ Иванъ и поливалъ мнѣ голову изъ графина. Я вспомнилъ и вскочилъ.

— Гдѣ они?

— Барыня давно ушли-съ, а господинъ Оленинъ лежатъ-съ. За докторомъ послали-съ. Ужъ очень хорошо-съ вы ихъ наградили-съ. Позвольте ручки-съ...— И онъ мокрымъ полотенцемъ сталъ вытирать мнѣ руки. Взглянувъ, я увидѣлъ, что онѣ въ крови.

Какъ заботливая нянька, вывелъ меня Иванъ на улицу и усадилъ на извозчика.

Я очень странно себя чувствовалъ. О томъ, что произошло, я совсѣмъ не думалъ; но мнѣ было гораздо легче. Тяжесть, давившая меня все это время, какъ будто исчезла; казалось, я исполнилъ то, что мнѣ слѣдовало сдѣлать, и это сознаніе исполненнаго долга было пріятно. Я ѣхалъ, отдаваясь весь внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Погода стихла, потеплѣло, и вечернее петербургское движеніе было въ полномъ разгарѣ. Я съ интересомъ глядѣлъ по сторонамъ и даже, встрѣтивъ знакомаго, бывшаго товарища, крикнулъ ему съ извозчика: „здравствуй!“

Кати не было. Я раздѣлся и, еле успѣвъ положить голову на подушку, заснулъ какъ убитый.

Проснулся я поздно, отъ страшнаго кошмара. Мнѣ приснилась Катя, окруженная толпою мужчинъ. Она ходила между ними съ циническимъ смѣхомъ и неприличными тѣлодвиженіями. Ужасная боль въ сердцѣ заставила меня открыть глаза.

Лучъ солнца, пробившійся сквозь оконную занавѣску, весело игралъ на потолкѣ. Я былъ радъ ему и долго на него смотрѣлъ, усиленно думая о томъ, что было и что будетъ. Мало-по-малу душой моей овладѣло удивительное спокойствіе. Точно я поднялся куда-то очень высоко и смотрю оттуда внизъ, гдѣ

подъ моими ногами бушуетъ ненастье, гремитъ громъ и сверкаетъ молнія. И я чувствовалъ, что припадка дикой ярости, подобнаго вчерашнему, больше не будетъ, не можетъ быть.

Я всталъ, но передъ тѣмъ, какъ выйти изъ спальни, обыскалъ всѣ Катины вещи и, послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ, наконецъ, то, что мнѣ было нужно. Подъ кучею бѣлья, на нижней полкѣ шкафа, я увидѣлъ длинную кожаную коробку изъ подъ перчатокъ. Она была заперта, но по звуку я догадался, что въ ней письма. Я сломалъ замокъ. Писемъ было порядочно, штукъ тридцать, должно быть. Подписаны они не были, но я разобралъ четыре разныхъ почерка. Я сталъ читать. Все то же самое: не будь разныхъ рукъ, трудно было бы догадаться, что письма отъ разныхъ лицъ. Тѣ же мысли, та же ходульность чувствъ и выраженій, та же разница между характеромъ первыхъ писемъ и послѣдующихъ. „Люблю! Жизнь отдамъ!“ И этотъ мотивъ длинно, пошло и однообразно варьировался въ первыхъ двухъ, трехъ письмахъ. „Въ такомъ-то часу, въ такомъ-то ресторанѣ“ — являлось краткимъ содержаніемъ остальныхъ. Писемъ „разрыва“, съ упреками, нытьемъ и т. п., не было. Или Катя такихъ писемъ не хранила, или же финальный актъ происходилъ у нея совсѣмъ просто, безъ лишнихъ волненій и осложненій.

Одного изъ авторовъ писемъ я узналъ по своеобразному слогу. „У насъ, въ Грузіи, я купилъ бы васъ за стадо барановъ, а не захотѣли бы вы быть моею — зарѣзалъ бы васъ. Здѣсь сдѣлать этого — увы! нельзя: законъ не дозволяетъ; но себя зарѣзать я могу“ и т. д.

Авторомъ былъ нѣкій князь восточнаго происхожденія ухаживавшій за Катей еще въ самомъ началѣ ея замужества. Я помню, какъ меня это ухаживаніе забавляло, какъ я смѣялся надъ глупой физіономіей ухаживателя, надъ его стеклянными, выпучепными глазами, которые, когда онъ смотрѣлъ на Катю, казалось, вотъ-вотъ выскочатъ изъ головы. И Катя тоже смѣялась...

На днѣ коробки, отдѣльно отъ другихъ, лежало письмо, сложенное вчетверо и перевязанное розовою ленточкой. Когда

я до него дошелъ и развернулъ, то въ первую минуту до того растерялся, что не хотѣлъ вѣрить глазамъ и машинально сталъ искать подписи. А зачѣмъ, спрашивается, когда почеркъ письма, крупный и твердый, былъ мнѣ прекрасно знакомъ, принадлежа моему товарищу дѣтства, другу, единственному человѣку, котораго я дѣйствительно уважалъ. Я пробѣжалъ письмо, и эта новая обида тяжелымъ камнемъ легла мнѣ на сердце. „Только этого недоставало!"— подумалъ я. Такъ какъ письмо довольно характеристично, то привожу его цѣликомъ.

„Вы меня обманули. Это нехорошо, нечестно, вы легко могли безъ этого обойтись, но это ваше дѣло. Пишу вамъ не для того, чтобы васъ упрекать и жаловаться—цѣль моего письма иная. Я любилъ васъ искренно и хорошо (вы помните: я предлагалъ вамъ развестись, хотѣлъ на васъ жениться). Вы также, кажется, хоть немножко да меня любили. И вотъ, во имя этой, прошлой любви, я обращаюсь къ вамъ теперь.

„Мнѣ искренно жаль васъ: вы неминуемо погибнете. Рано или поздно все откроется, и что тогда? Я хорошо знаю вашего мужа. Онъ не изъ тѣхъ, которые сквозь пальцы смотрятъ на проказы жены. Узнай онъ что-нибудь, и вы, какъ жена, перестанете для него существовать. Умоляю васъ, опомнитесь, подумайте хорошенько, на что вы идете, и постарайтесь измѣнить свою жизнь. Я знаю, что здѣсь, въ Петербургѣ, сдѣлать это нелегко, почти невозможно; вамъ надо уѣхать куда-нибудь въ глушь, въ деревню, и засѣсть тамъ, пока не почувствуете, что навсегда покончили съ прошлымъ. У васъ есть сынъ, котораго, кажется, вы любите; Павелъ только и мечталъ о томъ, какъ бы ему развязаться съ Петербургомъ — неужели это неисполнимо?

„Хотите, я вамъ помогу, поговорю съ Павломъ, сдѣлаю такъ, что онъ, ни на каплю не измѣнивъ своего мнѣнія о васъ, потребуетъ немедленнаго удаленія изъ Петербурга? Чтобы помочь вамъ выбраться изъ этого омута, я на все готовъ. Къ сожалѣнію, я скоро уѣзжаю,— уѣзжаю надолго, если не навсегда,— а потому время дорого.

„Прощайте. Не поминайте лихомъ. Вашего отвѣта буду ждать двѣ недѣли".

Любопытное письмо, свидѣтельствовавшее о томъ, что даже безспорно умные люди способны думать и писать величайшія глупости. „Постарайтесь измѣнить свою жизнь!" Какъ хорошо онъ зналъ Катю, если могъ ей это совѣтовать! Вообще, очень мило. Свое дѣло сдѣлалъ, получилъ отставку и пустился морализировать.

Ртищевъ уѣхалъ четыре года тому назадъ и съ тѣхъ поръ не былъ въ Петербургѣ. Слѣдовательно, уже въ то время Катя, не стѣсняясь, мѣняла любовниковъ.

Я сидѣлъ и писалъ письмо Сонѣ, въ которомъ, разсказавъ вкратцѣ то, что произошло, просилъ ее взять къ себѣ Сережу на то время, пока не выяснится и не опредѣлится дальнѣйшая моя жизнь. Вдругъ я услышалъ быстрые шаги и шелестъ платья. „Неужели Катя?!" подумалъ я почти съ ужасомъ. „Только бы выдержать!" Но то была не Катя, а ея мать, Софья Михайловна.

Какъ бомба влетѣвъ въ кабинетъ, Софья Михайловна, не здороваясь, стала передъ письменнымъ столомъ и, протянувъ ко мнѣ руку, трагическимъ голосомъ возгласила:

— Что вы сдѣлали съ моею дочерью?

— Правильнѣе, мнѣ кажется, было бы спросить, что ваша дочь со мною сдѣлала? — спокойно отвѣтилъ я.

— Это неслыханная вещь! — продолжала она, не слушая и захлебываясь отъ волненія, причемъ вся ея сухая, костлявая фигура прыгала и вертѣлась, какъ паяцъ на резинкѣ. — Скандалъ на весь городъ! Никуда глазъ нельзя показать. Сейчасъ, вотъ, вашъ швейцаръ... дуракъ, мужикъ! — пріѣзжаю, спрашиваю: дома? А онъ на меня такъ дерзко смотритъ, да и говоритъ: дома нѣтъ! Болванъ!

Я молчалъ.

— Катя сидитъ, реветъ. И подѣломъ, говорю, дура! Сколько разъ я тебя предупреждала: смотри, выкинетъ когда-нибудь твой муженекъ съ тобою штуку... Не даромъ онъ все молчитъ. Кругомъ смѣхъ, разговоры, а онъ себѣ сидитъ да на всѣхъ искоса

поглядываетъ. И не поймешь, что онъ тамъ, въ головѣ своей мудритъ... Тихоня! Знаю я этихъ тихонь, отъ нихъ добра не жди. Не давай, говорю, мужу много думать: такого надумаетъ, что потомъ сама каяться будешь... Вотъ и мой, Петръ Ивановичъ, такой же былъ... Ну, да вѣдь со мной не очень-то разгуляешься, скоро изъ него дурь выбила. „Ты что это все сидишь да думаешь? говорю. О чемъ это, позволь тебя спросить? Или живется тебѣ плохо, или любить ты меня пересталъ, или забота у тебя какая тяжелая есть? Такъ ты, ужъ сдѣлай милость, разскажи, вмѣстѣ и подумаемъ“. Вотъ, и тебѣ бы такъ. Да нѣтъ, куда! Больно умны мы стали, все своимъ умомъ жить хотимъ... Ну, и дожила! И подѣломъ! Въ другой разъ слушайся матери!

Она бросилась въ кресло, вытащила платокъ и стала обмахиваться, глядя на меня сердитыми глазами.

— Однако, это довольно странно,—началъ я:—ваша дочь меня обманула...

— Ахъ, скажите!

Я остановился, но она молчала, презрительно улыбаясь.

— Ваша дочь меня обманула,—продолжалъ я:—и вы, какъ будто, обвиняете въ этомъ меня. При чемъ я тутъ? Какъ у всякаго человѣка, у меня могутъ быть свои недостатки, я, конечно, не идеалъ, но вѣдь это къ дѣлу не относится. Я засталъ Катю въ отдѣльной комнатѣ ресторана съ любовникомъ...

— А кто вамъ сказалъ, что то былъ ея любовникъ? Кто вамъ это сказалъ? Просто, хорошій знакомый, съ которымъ она случайно встрѣтилась... ну, и пошла обѣдать.

— Это вамъ Катя такъ объяснила?

— А хотя бы Катя... не все ли равно... Вѣдь это могло такъ быть? Да или нѣтъ?—я васъ спрашиваю.

— Въ такомъ случаѣ, Катины хорошіе знакомые въ то же время и ея любовники. Я слышалъ то, что они говорили, видѣлъ, какъ они цѣловались.

— Желала бы я очень знать, какъ могли вы это видѣть?!

— Я сидѣлъ рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, откуда все было и слышно, и видно.

Софья Михайловна нѣсколько секундъ смотрѣла молча, оторопѣлыми глазами и вдругъ сорвалась съ мѣста и бросилась ко мнѣ.

— Ахъ, какъ это хорошо, какъ это честно!—и ея визгливый голосъ рѣзалъ мнѣ уши. — Выслѣдилъ, подсмотрѣлъ, ворвался...—она запнулась, чуть не сказавъ: незваный — ворвался въ комнату, поднялъ скандалъ... Зачѣмъ, зачѣмъ все это? Точно нельзя было по тихому, по благородному... Цѣловались! Экое, подумаешь, преступленіе! Убудетъ ее, что-ли отъ этихъ поцѣлуевъ?!

— Ну, однако!—вырвалось у меня.

— А теперь что же будетъ? Катя и слышать не хочетъ, чтобы къ вамъ вернуться. „Ни за что!“ говоритъ: „онъ меня убьетъ!“ И я ее понимаю: вы какой-то бѣшеный, съ вами опасно дѣло имѣть.

— Значитъ, все къ лучшему, потому что если бы ваша дочь даже желала ко мнѣ вернуться, то я ее не приму.

— Что? Не примете?!—И столько удивленія было въ этихъ возгласахъ, что ихъ нельзя было не признать натуральными.

— Конечно. Я не считаю больше вашу дочь своею женою. Между нами все кончено.

— Все кончено?—какъ эхо повторила Софья Михайловна.

— У меня въ рукахъ есть доказательства, что господинъ Оленинъ далеко не первый ея любовникъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, она начала меня обманывать уже вскорѣ послѣ свадьбы. Она —развратная, погибшая женщина и, повторяю, между нами все кончено.

Софья Михайловна смотрѣла на меня страннымъ взглядомъ, въ которомъ были и удивленіе, и недовѣріе, и злоба, и потомъ тихо, точно про себя, выговорила:

— Что же это? А какъ же другіе? Ваши же всѣ: Сопальскіе, Горталовы... Вѣдь живутъ, и ничего... Тихо, смирно, сора изъ избы не выносятъ... И всѣ такъ. А вы...

— А я такъ не могу.

— Не можете?!—И вдругъ ея глаза загорѣлись злобою, а

лицо судорожно искривилось.—Не можете?! Самъ довелъ жену до скандала, самъ его устроилъ, а теперь: не мое, молъ, дѣло устроивайтесь, какъ хотите, получайте дочку назадъ, а я умываю руки... Прекрасно, очень хорошо придумано! Не на такую только напали: такъ я ее и приму... Очень вамъ благодарна за подарокъ! Мало я что-ли съ нею повозилась! А теперь, вотъ, опять!.. Какъ бы не такъ! Да я и держать-то ее у себя не буду!

Я пожалъ плечами.

— Скажите, пожалуйста: не могу! Всѣ могутъ, а онъ не можетъ! А чего вы глядѣли раньше? Кто, какъ не вы, довелъ ее до этого? Всюду таскалась одна, каждую ночь тройки, цыгане, кутежи... Глаза-то у васъ гдѣ были, умъ-то, хваленый вашъ умъ, гдѣ скрывался? Да отъ такой жизни и святая свихнется! А онъ себѣ въ кабинетѣ посиживаетъ, книжки почитываетъ и знать себѣ ничего не знаетъ... А какъ пришла пора расплачиваться: „не могу да не могу, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“! Ахъ, какъ хорошо!

Я молчалъ.

— Только напрасно! Вы думаете, я это такъ оставлю? Ну, ужъ извините, не изъ таковскихъ... Думаете, не найду на васъ суда и расправы? Да я васъ передъ цѣлымъ свѣтомъ ошельмую, передъ всѣми подлецомъ выставлю, въ грязь втопчу! Я васъ такъ отдѣлаю, что вамъ никуда носа нельзя будетъ показать! Я васъ уничтожу, я васъ...

Она вдругъ смолкла и схватилась за горло. У угловъ рта показалась пѣна. Я испугался и бросился за водой. Но она оттолкнула стаканъ и, хрипло проговоривъ:

— Не радуйтесь... еще не умру... Скоро обо мнѣ услышите! —вышла изъ комнаты.

Признаюсь, я былъ удивленъ. Особой симпатіи къ Софьѣ Михайловнѣ я никогда не чувствовалъ. Я всегда ее считалъ выряженной кухаркой; кромѣ того, мнѣ казалось, что она несовсѣмъ нормальна. Тѣмъ не менѣе, до этихъ поръ крупныхъ столкновеній между нами не было. Выйдя за меня замужъ, Катя, какъ принято говорить, сдѣлала „выгодную партію“; Софья

Михайловна понимала это и сокращалась. Теперь же она выказала себя въ истинномъ свѣтѣ. И это мать!..

Цѣлый день прождалъ я секундантовъ Оленина, но они почему-то не являлись. Вмѣсто нихъ, вечеромъ, т.-е. скорѣе ночью, въ первомъ часу, меня посѣтилъ мой двоюродный братъ, Николай, служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Николай былъ въ своемъ родѣ типъ. Всегда безукоризненно, по послѣдней модѣ одѣтый, съ моноклемъ въ глазу, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ сквозь свое стеклышко на весь окружавшій его міръ. Все человѣчество дѣлилось имъ на двѣ неравныя части: на порядочныхъ и непорядочныхъ. Къ числу первыхъ принадлежали прежде всего онъ самъ, Николай Павловичъ Аргунинъ, и весьма ограниченное число ему подобныхъ по рожденію, а ко вторымъ—всѣ остальные люди, толпа, plebs. Другихъ дѣленій онъ не признавалъ. Равнодушное, нѣсколько нахальное обращеніе съ равными, холодно-снисходительное съ прочими— не допускало никакихъ сильныхъ проявленій чувства. Волноваться, т.-е. выказывать волненіе, было неприлично; увлекаться, горячо высказывать одобреніе, порицаніе — также. Во всемъ и всегда невозмутимое, ледяное спокойствіе. Николай въ высокой степени обладалъ этой выдержкой, а потому даже у себя въ министерствѣ считался образцомъ корректности. Все это было смѣшно, пошло и, тѣмъ не менѣе, Николай не былъ дурнымъ человѣкомъ. Его выручало хорошее сердце. Обладая значительнымъ состояніемъ, онъ дѣлалъ много добра и никогда объ этомъ не говорилъ; а сверхъ того слишкомъ гордился тѣмъ, что онъ Аргунинъ, чтобы быть способнымъ на сознательную гадость. Между тѣмъ какъ большинство ему подобныхъ, petits crevés — типъ вполнѣ отрицательный, скрывающій подъ отполированною поверхностью, подъ лоскомъ внѣшняго приличія, нравственную негодность и дрянность, я, знающій жизнь Николая какъ свою, не могу указать ни на одинъ случай, въ которомъ его поведеніе было бы не только безчестнымъ, но даже сомнительнымъ. Бросая кругомъ себя взглядъ, припоминая личности, съ которыми меня сводила судьба, мнѣ приходится сознаться,

что Николай почти единственный, про котораго я, не колеблясь, могу сказать: „да, это честный человѣкъ".

Войдя въ комнату и не успѣвъ еще поздороваться, Николай, прерывающимся голосомъ, въ которомъ не было и слѣда его обычной манеры медленнаго пропусканія словъ сквозь зубы, быстро проговорилъ:

— Господи! Павелъ! Я сейчасъ изъ клуба... Неужели это правда?

Онъ былъ блѣденъ, взволнованъ. Куда дѣвались его образцовая корректность, его невозмутимое спокойствіе! Даже монокль, вмѣсто того, чтобы гордо покоиться на своемъ мѣстѣ, безпомощно болтался на шелковинкѣ.

Я невольно усмѣхнулся.

— Поправь галстухъ: онъ у тебя на бокъ съѣхалъ.

Николай съ испугомъ схватился за шею, но тотчасъ же укоризненно на меня взглянулъ.

— Прежде разскажи мнѣ то, что ты слышалъ въ клубѣ! — сказалъ я уже серьезно.

Онъ замялся.

— Тамъ чортъ знаетъ что говорятъ... Будто ты нанялъ агентовъ сыскной полиціи слѣдить за Катериной Петровной, съ ихъ помощью накрылъ ее въ какой-то гостинницѣ, en deux съ какимъ-то офицеромъ, одни говорятъ—съ Друцкимъ, другіе—съ Оленинымъ, третьи называютъ еще кого-то, — и избилъ ихъ обоихъ: офицера чуть не убилъ, но его спасли лакеи.

— Не совсѣмъ такъ, хотя частица правды есть.—И я разсказалъ Николаю, какъ было дѣло.

— Ну, это совсѣмъ другое... потому что бить женщину, это... согласись... А такъ, что же... Enfin...

Онъ повеселѣлъ и привычнымъ движеніемъ посадилъ монокль на мѣсто.

— Кто у тебя будетъ вторымъ секундатомъ?—уже спокойно процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Я драться не буду.

— Что?!—И опять монокль выпалъ изъ глаза, а лицо Ни-

колая выразило крайнее удивленіе, почти испугъ.— Не будешь драться?!

— По крайней мѣрѣ теперь. Я, конечно, не отказываюсь отъ дуэли совсѣмъ, но придется съ нею повременить. Впрочемъ, тебѣ все это необходимо знать.

Тутъ я ему объяснилъ, какъ я смотрю на то, что произошло, и каково будетъ мое дальнѣйшее поведеніе.

На слѣдующее утро явились, наконецъ, секунданты. Изъ нихъ одного, ротмистра Гудимова, я зналъ давно; другой былъ молоденькій, только-что выпущенный пижонъ.

— Опять ты!—сказалъ я Гудимову, здороваясь.

— Опять я!—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.—Съ тобою пріятно имѣть дѣло, и я съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ предложеніе Оленина быть его секундантомъ.

Дѣло въ томъ, что Гудимовъ уже разъ былъ секундантомъ моего противника на дуэли, которая у меня была, когда я еще служилъ въ полку.

— Ну, на этотъ разъ дѣло будетъ посложнѣе, — сказалъ я.—Прежде всего, позвольте узнать, господа, сообщилъ ли вамъ вашъ довѣритель тѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ онъ счелъ нужнымъ меня вызвать.

— Да, сообщилъ.

— Хорошо-съ. Теперь, я васъ попрошу передать г. Оленину слѣдующее: я крайне сожалѣю о томъ, что произошло, извиняюсь передъ нимъ въ присутствіи васъ, его секундантовъ, готовъ извиниться письменно и буду очень радъ, если онъ этимъ удовлетворится.

Гудимовъ отъ неожиданности крякнулъ, а пижонъ вытаращилъ на меня удивленные глаза, покраснѣлъ и, завертѣвшись на стулѣ, порывался что-то сказать, но былъ остановленъ строгимъ взглядомъ товарища.

— Хорошо, мы ему это передадимъ, — сказалъ Гудимовъ, пытливо въ меня вглядываясь. Я увѣренъ, что онъ въ эту минуту серьезно себя спрашивалъ, въ своемъ ли я умѣ, или нѣтъ.

— Если же поручикъ Оленинъ не найдетъ возможнымъ удов-

летвориться моими извиненіями,—продолжалъ я:—о чемъ, повторяю, я буду очень сожалѣть, — я васъ попрошу передать ему это письмо. Въ настоящую минуту я не считаю себя вправѣ сообщить вамъ его содержаніе. Это дѣло вашего довѣрителя. Надѣюсь, онъ это сдѣлаетъ. По крайней мѣрѣ, я его объ этомъ прошу, предупреждая, что въ противномъ случаѣ я буду вынужденъ сдѣлать это самъ. Я не могу допустить никакихъ недоразумѣній въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ.

— Это все, что ты имѣешь намъ сказать? — спросилъ Гудимовъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Пока, все.

Мы церемонно раскланялись. Провожая ихъ до лѣстницы, я слышалъ, какъ, спускаясь, пижонъ горячо и взволнованно что-то говорилъ.

— А, по моему, онъ просто трусъ! — долетѣло вдругъ до моихъ ушей восклицаніе, произнесенное высокимъ, рѣзкимъ, какъ у молодого пѣтуха, голосомъ. Гудимовъ что-то возразилъ, и голоса затихли.

Что могло для меня значить мнѣніе этого офицерика, и тѣмъ не менѣе, слово „трусъ“ больно кольнуло меня. „Хорошо,—подумалъ я, — что съ нимъ Гудимовъ, который меня знаетъ, слѣдовательно считать трусомъ не можетъ“.

Въ письмѣ я требовалъ, чтобы Оленинъ женился на Катѣ. Если онъ честный человѣкъ, онъ обязанъ былъ это сдѣлать. Я писалъ, что иначе, какъ съ мужемъ Кати, я съ нимъ драться не буду. Тогда сколько угодно. Я бралъ на себя всѣ хлопоты по разводу, обѣщалъ употребить всѣ старанія, чтобы получить его какъ можно скорѣе. По моему, это было единственнымъ средствомъ если не спасти Катю, то дать ей возможность не погибнуть окончательно. Бросить же ее такъ, на произволъ судьбы, было бы нечестно, да я слишкомъ ее любилъ, чтобы сдѣлать это.

Вотъ чѣмъ я руководствовался, вотъ цѣль, къ которой стремился. Изъ этого ничего не вышло, — и по моей же винѣ не вышло... Но могъ ли я этого ожидать?..

Я пробылъ два дня въ Гатчинѣ. Сережѣ лучше, онъ выздоравливаетъ. Соня удивительная женщина.

Возвращаюсь къ своимъ воспоминаніямъ.

Вечеромъ того дня, когда у меня были секунданты Оленина, опять зашелъ Николай. Онъ былъ въ мрачномъ настроеніи, видимо хотѣлъ мнѣ что-то сказать и не рѣшался. Но я не разспрашивалъ, и онъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Чортъ знаетъ, что у насъ дѣлается! Это какіе-то сумасшедшіе! Я ничего не понимаю... Противъ тебя всѣ страшно возстановлены. Вчера Обрубковъ,—знаешь, „умный" Обрубковъ,—не будучи даже знакомъ съ Оленинымъ, забросилъ ему карточку. Сегодня полъ-Петербурга у него перебывало съ визитами de condoléance... Чортъ знаетъ что такое!..

— Не можетъ быть!—выговорилъ я пораженный.

— Я тебѣ говорю... При встрѣчѣ спрашиваютъ другъ друга: „а вы были у Оленина?" — и тотъ, который не былъ, спѣшитъ исправить свою оплошность.

— Но почему? На какомъ основаніи?

— Говорятъ, что ты кругомъ виноватъ; что порядочные люди такъ не поступаютъ; что ты могъ выбрать для всего этого мѣсто болѣе подходящее, а бить такъ, въ ресторанѣ, — это неприлично.

— И все?

— Другого объясненія я добиться не могъ. Всѣ говорятъ одно и то же.

Это было до того дико, нелѣпо, что я тогда Николаю не повѣрилъ; но потомъ оказалось, что онъ, дѣйствительно, былъ правъ. Всѣ наперерывъ спѣшили выказать Оленину свое участіе, а обо мнѣ говорили какъ о человѣкѣ, совершившемъ нѣчто ужасное.

Думая объ этой странности теперь, я также мало могу себѣ ее объяснить, какъ и тогда. Такое отношеніе общества къ факту, въ сущности, ясному и простому, шло до такой степени въ разрѣзъ со всѣми моими понятіями о томъ, что хорошо и дурно, честно и порядочно, — что во мнѣ невольно явилась

мысль: или я съ ума сошелъ, или же они, всѣ эти господа, невмѣняемы.

Дѣйствительно, предположимъ, что я неправъ, что бить въ ресторанѣ неприлично (хотя почему же именно въ ресторанѣ неприлично, а въ другомъ мѣстѣ—можно?). Но что же изъ того? Мнѣ кажется, что каждый, даже самый тупой человѣкъ долженъ знать и можетъ понять, что есть минуты и обстоятельства, когда за себя ручаться не можешь, когда не сознаешь того, что дѣлаешь, и что поступки такихъ минутъ въ вину ставить нельзя. Болѣе чѣмъ кто-либо другой, я сознаю, что сцена въ ресторанѣ была груба и нелѣпа, что бить Оленина мнѣ не слѣдовало и не потому, что это неприлично, а просто потому, что это было ненужно. Я не выдержалъ характера и поступилъ глупо и грубо, но я себя не сознавалъ, и въ этомъ мое оправданіе.

Такимъ образомъ, допуская, что я поступилъ неприлично, допуская даже, что это неприличіе такого рода, что могло и должно караться общественнымъ мнѣніемъ,—у меня есть оправданіе. Хотя, по правдѣ сказать, обвиненіе до такой степени пошло, что оправдываться въ немъ какъ-то совѣстно, ребячески смѣшно.

Но какъ объяснить отношеніе общества къ Оленину? Что сдѣлалъ Оленинъ? Выражаясь казеннымъ слогомъ, онъ былъ пойманъ „на мѣстѣ преступленія" съ чужой женой и былъ за это побитъ. И вдругъ его формально оправдываютъ, объявляютъ жертвой, ѣдутъ къ нему съ визитами „соболѣзнованія"... По истинѣ, изумительно!

Я знаю, что наше общество глубоко безнравственно, знаю, что въ его глазахъ обманутый мужъ смѣшонъ и жалокъ, а любовникъ—чуть не герой; но, будучи безнравственнымъ, общество въ то же время лицемѣрно и лицемѣрно по необходимости, потому что, какъ выразился, кажется, Достоевскій, лицемѣріе есть дань, которую порокъ платитъ добродѣтели. Это своего рода узда для безнравственности, и она всегда существовала. А теперь? Прелюбодѣй правъ, избитый за прелюбодѣяніе—жертва,—вотъ что говоритъ общество, говоритъ открыто и громко,

подкрѣпляя свое мнѣніе визитами „соболѣзнованія". Ну, не поразительно ли это?!

Вотъ я себя и спрашиваю: можно ли допустить, чтобы на подобное извращеніе понятія о томъ, что хорошо и что дурно, были способны люди мыслящіе и сознающіе то, что они дѣлаютъ? Мнѣ кажется, что нельзя. Но въ чемъ же тогда дѣло!

Первымъ поѣхалъ къ Оленину Обрубковъ. Обрубковъ извѣстенъ всему Петербургу; это—патентованный умникъ и иначе, какъ „умный Обрубковъ", его не называютъ. Почему вздумалось ему сдѣлать визитъ Оленину, съ которымъ онъ даже не былъ знакомъ, я, кажется, могу объяснить. Избалованный общимъ поклоненіемъ его „уму", Обрубковъ позволялъ себѣ часто быть дерзкимъ и наглымъ. Какъ-то разъ,—это было уже давно,—мнѣ пришлось его осудить. Тогда онъ это съѣлъ, обративъ все въ шутку, и дальнѣйшія наши отношенія, не будучи короткими, оставались всегда оффиціально вѣжливыми. Оказывается, однако, что онъ того случая не забылъ и, вотъ, теперь отплатилъ мнѣ за него съ процентами. Обрубковъ зналъ, что дѣлалъ. Онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать гадость и сдѣлалъ ее. Какое было ему дѣло до того, что, отплачивая мнѣ за давнишнее оскорбленіе, онъ дѣлаетъ величайшую подлость, такъ какъ заставляетъ и общественное мнѣніе быть несправедливымъ и подлымъ. У него была цѣль, и онъ этой цѣли достигъ.

Само собой разумѣется, достаточно было того, что „умный" Обрубковъ, не объясняя даже причинъ страннаго визита, поѣхалъ къ Оленину, чтобы за нимъ, какъ стадо барановъ, потянулся весь Петербургъ. Почему? Зачѣмъ? не все ли равно. Обрубковъ знаетъ, на то онъ и „умный", чтобы не дѣлать глупостей. По всѣмъ вѣроятіямъ, многіе ѣхали, не зная даже въ чемъ дѣло. „Кого-то поймали, кого-то поколотили, всѣ ѣдутъ, надо и мнѣ поѣхать".

Я думаю, самъ Оленинъ былъ не мало удивленъ такимъ неожиданнымъ проявленіемъ общей симпатіи. Обыкновенно на человѣка „битаго" смотрятъ подозрительно. Такой взглядъ опирается на убѣжденіи, что разъ человѣка изъ такъ называе-

маго „общества“ бьютъ, то, въ большинствѣ случаевъ, — за дѣло. А тутъ вдругъ —„несчастная жертва звѣрскаго гнѣва деспота-мужа“... Ну, чѣмъ не пьедесталъ!

Идетъ стадо барановъ. На дорогѣ лежитъ хворостина. Передовой баранъ останавливается передъ ней, задумывается и, надумавшись, какъ-то бокомъ, лягнувъ ногою, перескакиваетъ черезъ нее. Почему онъ черезъ нее перешагнулъ, почему не обошелъ ее — кто его знаетъ. Онъ и самъ этого не знаетъ, такъ, порѣзвиться захотѣлось, — остальному стаду это тоже неизвѣстно, и, тѣмъ не менѣе, всѣ бараны до послѣдняго, подойдя къ хворостинѣ, продѣлываютъ то же самое. Даже воздухъ лягаютъ тою же ногою. Невольно смѣешься и думаешь: „Господи, вотъ глупыя животныя!“ Но когда нѣчто подобное продѣлывается не баранами, а людьми, то тутъ уже не до смѣха. Совсѣмъ другія мысли бродятъ въ головѣ и съ горечью себѣ говоришь, что имя „человѣкъ“ является довольно-таки позорною кличкой.

Впослѣдствіи, — такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ съ самодовольствомъ Николай, — въ общественномъ мнѣніи совершился благопріятный поворотъ въ мою пользу. Николай подобралъ себѣ нѣсколькихъ единомышленниковъ и съ ихъ помощью устроилъ, какъ онъ выражался, „крестовый походъ“. Благодаря ихъ стараніямъ, а также отчасти — опять слова Николая — моему поведенію на дуэли, на меня стали смотрѣть иначе. Николай былъ очень доволенъ, гордился такимъ результатомъ своихъ усилій и возмущался, что эти добрыя вѣсти оставляютъ меня вполнѣ равнодушнымъ. Но какое было мнѣ до этого дѣло? Я и прежде мало обращалъ вниманія на то, что про меня говорятъ, а теперь, послѣ того какъ убѣдился, до чего общественное мнѣніе можетъ быть подлымъ и несправедливымъ, оно для меня потеряло всякое значеніе.

На слѣдующее утро пріѣхалъ Гудимовъ. Онъ былъ одинъ и объяснилъ, съ нѣсколько смущеннымъ видомъ, что является ко мнѣ не въ качествѣ оффиціальнаго секунданта.

— Къ другому бы я такъ не поѣхалъ, но тебя я знаю, а

наше дѣло, какъ ты правильно выразился, очень щекотливое, не допускаетъ никакихъ недоразумѣній и толковать о немъ, стоя на оффиціальной ногѣ, не совсѣмъ удобно.

Онъ замолчалъ, выжидая, что я скажу.

— Значитъ, Оленинъ не соглашается на мои условія? — спросилъ я.

— Сначала и слушать не хотѣлъ. „Я оскорбленъ, требую удовлетворенія, онъ долженъ мнѣ его дать, никакихъ условій я знать не хочу!“ Только это и повторялъ. Однако, мнѣ удалось ему разъяснить, что ты ничего другого отъ него не требуешь, кромѣ того, что онъ, какъ честный человѣкъ, и самъ обязанъ сдѣлать. Наконецъ, онъ съ этимъ согласился и...

— Согласился!—вырвалось у меня со вздохомъ облегченія.

— Да, согласился. Онъ обѣщалъ жениться...—Гудимовъ замялся—на... твоей женѣ, но не желаетъ, чтобы дуэль была отложена на такое долгое время, хочетъ непремѣнно, чтобы она состоялась теперь же.

— А если я не соглашусь?

— Говорилъ я ему и это. Опять, было, на дыбы. „Я заставлю его согласиться, я публично оскорблю его, я сдѣлаю такъ, что онъ вынужденъ будетъ со мною драться!“ Но и въ этомъ мнѣ удалось его разубѣдить. Я ему сказалъ, что знаю тебя хорошо, знаю, что если ты что-нибудь рѣшилъ, то ничто не можетъ заставить тебя измѣнить принятаго рѣшенія. Тогда, сообразивъ, что дѣйствительно, не такъ-то легко заставить драться человѣка, который этого не желаетъ, онъ успокоился и теперь обращается къ тебѣ уже прямо съ просьбой. Онъ проситъ войти въ его положеніе, которое и теперь очень непріятно, и будетъ ужасно, если дуэль отложится на такое долгое и притомъ неопредѣленное время; онъ говоритъ, что оскорбленіе такъ серьезно, что требуетъ немедленнаго удовлетворенія; что ему стыдно смотрѣть людямъ въ глаза, и умоляетъ тебя согласиться на то, чтобы дуэль состоялась теперь же.

— Стало быть, мое положеніе легче... Странно! Еще болѣе странно потому, что, какъ я слыхалъ, къ нему всѣ относятся

съ большимъ участіемъ... Даже незнакомые дѣлаютъ ему визиты.

Гудимовъ махнулъ рукой.

— Вотъ еще и это... Чортъ знаетъ что такое! Вѣдь онъ понимаетъ, въ какое фальшивое положеніе ставитъ его это нелѣпое участіе. Хотя онъ—между нами—не уменъ, но, въ сущности, добрый и порядочный малый. Сначала это его удивило, но потомъ онъ почувствовалъ, какъ все это глупо и пошло. И ихъ-то положеніе глупое, а его—и совсѣмъ смѣшное. До того они его, бѣднаго, извели, что онъ, буквально, полѣзъ на стѣну. Теперь заперся и никого не принимаетъ.

Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Согласиться? Но какая же это будетъ дуэль! Желая, чтобы Оленинъ женился на Катѣ, я обязательно долженъ былъ его щадить; онъ же, напротивъ, употребитъ, конечно, всѣ старанія, чтобы отправить меня на тотъ свѣтъ. Положеніе неинтересное!

Я колебался и уже хотѣлъ отвѣтить Гудимову рѣшительнымъ отказомъ, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль, которая, подобно солнечному лучу, прорвавшемуся сквозь густой туманъ, сразу разсѣяла мои недоумѣнія, представила мнѣ все дѣло подъ совершенно иною окраской. И такъ была она проста, эта мысль, такъ неоспорима, что я сразу ее понялъ и тотчасъ же сказалъ Гудимову, что я согласенъ.

Если Оленинъ меня убьетъ, то все устроится само собою, гораздо проще и легче—вотъ мысль, заставившая меня согласиться. Такое соображеніе, конечно, не могло бы имѣть рѣшающаго значенія, еслибы я сколько-нибудь дорожилъ жизнію; но этого не было. Хотя, до сей минуты, я избѣгалъ ставить этотъ вопросъ прямо, избѣгалъ сознательнаго на него отвѣта, тѣмъ не менѣе, внутреннее чувство говорило мнѣ очень опредѣленно и ясно, что безъ Кати я жить не могу. Катя—скверная женщина; то, что она со мною сдѣлала, достойно всякаго презрѣнія, и я глубоко ее презиралъ, но въ то же время и любилъ ее не менѣе прежняго. Какъ могъ я ее любить послѣ всего того, что было? Почемъ я знаю! Я знаю только то, что я ни на секунду не переставалъ ее любить и что, рѣшивъ ее поте-

рять, я этимъ самымъ произнесъ себѣ добровольно смертный приговоръ.

Я удивлялся совсѣмъ другому; я удивлялся тому, съ какой стати тянулъ я всю эту канитель, какъ не сообразилъ сразу, что нѣтъ лучшаго исхода и для меня лично, какъ быть убитымъ на этой дуэли. Просто, какое-то затмѣніе. Рѣшеніе лежитъ у человѣка подъ носомъ, а онъ бродитъ, путается, ищетъ его чортъ знаетъ гдѣ!

Я собирался выѣхать. Надо было предупредить Николая, что завтра къ нему соберутся секунданты для переговоровъ, надо было себѣ добыть второго секунданта. Я уже одѣвался, какъ вдругъ явился Катинъ отецъ, Петръ Ивановичъ, маленькій, плѣшивый старичокъ, съ запуганнымъ выраженіемъ сморщеннаго лица. Долгое супружеское сожительство съ Софьей Михайловной положило на него яркій отпечатокъ.

— Катя.. Кто бы могъ ожидать!—выговорилъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку, и тутъ же прослезился.

Онъ долго у меня сидѣлъ, и все время говорилъ, и ничѣмъ нельзя было остановить потока изліяній. Много затаенныхъ горя и страданій накопилось въ этомъ загнанномъ существѣ; но слушать его было пыткой. Онъ говорилъ про Катино дѣтство, какакимъ она была чуднымъ ребенкомъ, — сердечнымъ и любящимъ,—вспоминалъ разные случаи изъ ея дѣтской жизни, и въ его словахъ звучала настоящая горячая и серьезная любовь къ дочери. Потомъ начинались оханья, жалобы на судьбу, на людей, на Софью Михайловну, и изъ глазъ старика капали слезы. Но, вотъ, онъ уже опять улыбается, разсказывая, какъ Катя, которой тогда не было еще тринадцати лѣтъ, бросилась въ прудъ и вытащила утопавшаго ребенка. А я сидѣлъ и слушалъ, и мнѣ было нестерпимо тяжело, и когда старикъ, наконецъ, уѣхалъ, я вздохнулъ съ облегченіемъ. Нѣтъ, легче выдержать десять стычекъ съ самой Софьей Михайловной, чѣмъ полъ-часа подобныхъ изліяній.

Между прочимъ, я объяснилъ Петру Ивановичу, чтобы ни онъ, ни Софья Михайловна не боялись того, что Катя останется

у нихъ на рукахъ, такъ какъ, во всякомъ случаѣ и что бы ни случилось, я ее обезпечу.

— Она васъ такъ гадко, низко обманула, а вы ее будете обезпечивать!

Я удивился: въ этихъ словахъ звучало дѣйствительно негодованіе, въ нихъ сказался порядочный человѣкъ. Но эта вспышка хорошаго чувства продолжалась мгновеніе. Петръ Ивановичъ тотчасъ же сконфузился и смотрѣлъ на меня со слабою, виноватою улыбкой, какъ бы прося извиненія за свой неожиданный и странный порывъ. Въ эту минуту онъ вспомнилъ, вѣроятно, Софью Михайловну, вспомнилъ о томъ, что скажетъ она, если вдругъ узнаетъ объ его неосторожныхъ словахъ. Бѣдный старикъ!..

Я поѣхалъ въ полкъ, намѣтивъ себѣ въ секунданты бывшаго своего товарища, ротмистра Щетнева. Я засталъ Щетнева, разносившаго за что-то вахмистра.

Щетневъ былъ образцовымъ эскадроннымъ командиромъ и не менѣе образцовымъ секундантомъ. Не было, кажется, ни одной сколько-нибудь интересной дуэли, въ которой онъ не принималъ бы участія. Никто лучше его не умѣлъ вести предварительныхъ переговоровъ, никто тоньше и умнѣе не писалъ необходимыхъ протоколовъ и т. д.

— Наконецъ-то, братецъ, наконецъ! А я уже начиналъ безпокоиться. Что же это, думаю, неужто Аргунинъ позабудетъ стараго пріятеля, обратившись къ другому?—И, благодушно улыбаясь, онъ расправлялъ свои длинные усы.

— Ну, а стрѣльба какъ? По прежнему гвозди пулей вгоняешь?—спрашивалъ онъ, когда я, передавъ ему, что слѣдовало, собирался уходить.—Самъ знаешь, не трусъ я, а, признаюсь, не хотѣлось бы быть въ шкурѣ твоего противника.

— На этотъ разъ,—отвѣтилъ я, усмѣхаясь,—ты могъ бы вполнѣ нарядиться въ эту шкуру.

Щетневъ окинулъ меня полу-удивленнымъ, полу-неодобрительнымъ взглядомъ.

— Великодушничать собираешься, щадить думаешь? Смотри,

братъ, какъ бы самому на тотъ свѣтъ не отправиться. А, по моему, коли ужъ не хочешь убивать, — вонъ изъ строя, вонъ изъ строя!

Совѣщаніе секундантовъ происходило на слѣдующій день. Николай пріѣхалъ сообщить мнѣ его результаты. Дуэль предстояла серьезная. Рѣшено было стрѣляться на двадцать шаговъ, при барьерѣ fixe; число выстрѣловъ не обозначено, а концомъ дуэли являлось полученіе однимъ изъ противниковъ раны, не позволяющей далѣе продолжать бой.

„Тѣмъ лучше“, подумалъ я. При такихъ условіяхъ мнѣ оставалось очень мало шансовъ остаться въ живыхъ. Дуэль была назначена на субботу, т.-е. отлагалась на четыре дня. Этого потребовали секунданты Оленина, говоря, что за ними зорко слѣдитъ полиція; но Николай, скептически улыбаясь, замѣтилъ, что главной причиной этой отсрочки, по всѣмъ вѣроятіямъ, является не совсѣмъ еще приличное состояніе лица Оленина. „Говорятъ, сидитъ весь въ пластыряхъ“.

Впрочемъ, противъ такой отсрочки и я ничего не имѣлъ. Она мнѣ позволяла, не спѣша, сдѣлать необходимыя распоряженія, привести въ порядокъ дѣла. Покончивъ со всѣмъ этимъ, я, наканунѣ дуэли, въ пятницу, поѣхалъ въ Гатчину, долго говорилъ съ Соней о Сережѣ (я назначилъ ее опекуншей надъ нимъ, а впослѣдствіи и попечительницей), подробно объяснилъ ей, что слѣдовало ей дѣлать, если я буду убитъ, и т. д. Очень трудно было прощаться съ Сережей, но и тутъ выручила Соня. Эта удивительная женщина выказывала, при всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, столько самообладанія, что я невольно удивлялся и преклонялся передъ нею. Прощаясь со мною, она не выронила ни одной слезинки, а что подобная выдержка ей стоила,—могутъ понять лишь люди, знающіе ее такъ, какъ я,— знающіе ея нѣжное, сострадательное сердце.

Когда я вернулся домой, мнѣ доложили, что меня дожидается Софья Михайловна. Она пріѣзжала еще утромъ, но не заставъ меня, объявила, что заѣдетъ вечеромъ.

„И что ей нужно?“—съ сжатіемъ сердца подумалъ я.

Но на этотъ разъ Софья Михайловна была совсѣмъ другая. Она меня встрѣтила съ любезною улыбкой и освѣдомилась о Сережѣ. Потомъ проговорила мягкимъ голосомъ:

— Петръ Ивановичъ мнѣ передалъ о вашемъ великодушномъ намѣреніи обезпечить Катю, и я пріѣхала васъ благодарить какъ отъ своего, такъ и отъ ея имени.

Я молча поклонился.

Она продолжала на меня глядѣть все съ тою же вкрадчивой улыбкой. Я ожидалъ, что будетъ дальше; но улыбка успѣла превратиться въ какую-то кислую гримасу, а Софья Михайловна все молчала. Наконецъ, мнѣ это надоѣло.

— Вѣроятно, это не все... Но мнѣ некогда, и я бы васъ просилъ...

Софья Михайловна встрепенулась.

— Нѣтъ, ничего... т.-е. да... впрочемъ... видите-ли,—забормотала она какъ-то нерѣшительно и вдругъ, сложивъ руки, поднявъ глаза въ потолокъ:

— Другъ мой, мы всѣ ходимъ подъ Богомъ! Я слышала, вы на-дняхъ деретесь... и я... и вотъ...

— Не безпокойтесь,—перебилъ я, понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло.—Я принялъ всѣ мѣры, всѣ распоряженія уже сдѣланы, и завтра—что бы ни случилось—ваша дочь получитъ отъ моего повѣреннаго первый взносъ. Завтра же мой повѣренный сообщитъ ей тѣ условія, лишь исполняя которыя, она можетъ разсчитывать на эти деньги. Главное изъ нихъ касается Сережи. Ваша дочь должна забыть, что у нея есть сынъ,—она, впрочемъ, и теперь уже объ этомъ, кажется, не помнитъ,—и никогда не предъявлять на него своихъ правъ. Если она этого не исполнитъ, она не получитъ отъ меня ни копѣйки. Пусть такъ и знаетъ.

Глаза Софьи Михайловны вспыхнули злымъ огонькомъ, она хотѣла-было что-то сказать, но сдержалась и встала.

— Когда же дуэль?—спросила она, собираясь уходить и надѣвая перчатки.

— Завтра, такъ что очень возможно, любезная Софья Михайловна, что мы съ вами никогда уже больше не увидимся.

Она опять возвела глаза къ потолку.

— О, нѣтъ! Не можетъ быть! Господь справедливъ! Онъ не допуститъ, чтобы порокъ восторжествовалъ! — съ паѳосомъ выговорила она. — Я вѣрю, вы останетесь невредимымъ. — И, вынувъ платокъ, она приложила его къ глазамъ.

Но какое наглое комедіантство!

Раздѣваясь, я подумалъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, это моя послѣдняя ночь, и столько муки и горя оставлялъ я позади, я такъ усталъ за эти дни страданія, что мысль о близости смерти показалась мнѣ привлекательною.

Чтобы не возбуждать подозрѣній, рѣшено было собираться по-одиночкѣ за городомъ, гдѣ должны были ждать лошади. Однако, Николай все-таки за мной заѣхалъ. По пути онъ мнѣ разсказалъ, что вчера, въ клубѣ, ему удалось, наконецъ, поймать Обрубкова. Между ними произошла стычка. Обрубковъ сначала было зафыркалъ, но Николай тотчасъ же его осадилъ, послѣ чего тотъ притихъ и быстро стушевался. Но главное, чему Николай радовался, это то, что большинство присутствующихъ оказалось совсѣмъ неожиданно на нашей сторонѣ.

— Большой успѣхъ, большой успѣхъ!—говорилъ Николай, серьезно хмуря брови.—Теперь все пойдетъ хорошо.

Щетневъ былъ уже на мѣстѣ. Онъ привезъ съ собою полкового доктора,—маленькаго, толстенькаго человѣчка съ рыжеватыми баками. Гудимовъ, пижонъ и ихъ докторъ находились также на-лицо. Не было только Оленина. Мы сѣли въ тройку и поѣхали.

Утро было прелестное. Мягкіе лучи весенняго солнца нѣжили и ласкали. Снѣгъ стаялъ почти весь; только кое-гдѣ, по откосамъ, въ углубленіяхъ, онъ еще лежалъ грязновато-бѣлыми заплатами, рѣзко выдѣляясь отъ рыжеватаго фона мертвой, прошлогодней зелени. Мѣстами, однако, хотя еще робко, чуть замѣтно, начинала уже пробиваться молоденькая травка. Спереди, сзади, со всѣхъ сторонъ лилась веселая пѣснь жаворонка. Вотъ изъ-подъ кочки, испуганная шумомъ экипажа, вырвалась сѣренькая птичка, стрѣлой поднялась въ голубую высь, расправила

крылышки и, затрепетавъ на мѣстѣ, залилась звонкою, серебристою трелью, потомъ, описавъ полу-кругъ, комочкомъ свалилась на прежнее мѣсто. Чудный запахъ весны, этотъ необъяснимый ароматъ нѣги и счастья билъ въ голову, заставляя грудь глубоко дышать, а сердце расширяться. „Вотъ чего будетъ жаль!"—подумалъ я, и солнце, и воздухъ, и птички отвѣтили мнѣ дружно, въ одинъ голосъ: „будетъ жаль, будетъ жаль!" Я любилъ весну,—любилъ, вообще, природу, имѣвшую на меня всегда большое вліяніе.

— А вѣдь хорошо!—неожиданно для себя, неожиданно для моихъ, погруженныхъ въ какое-то унылое молчаніе, спутниковъ произнесъ я.

Щетневъ окинулъ меня недовольнымъ взглядомъ.

— Хорошо-то хорошо, да не очень! – проговорилъ онъ угрюмо.—Говорятъ, Оленинъ стрѣляетъ очень порядочно...

Я невольно разсмѣялся.

— Да тебѣ-то что? Точно, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ приходится съ нимъ драться. Съ какихъ это поръ ты сталъ такимъ мрачнымъ секундантомъ? Тебѣ, наоборотъ, слѣдовало-бы меня подбадривать, а ты вмѣсто этого каркаешь, какъ зловѣщій воронъ.

— Эхъ, братъ, больно много приходилось мнѣ видать, какъ люди калѣчатъ другъ друга. Пора и перестать дуракомъ-то быть.

Онъ помолчалъ, а потомъ, подумавъ, вѣроятно, что, дѣйствительно, хватилъ черезъ край, заговорилъ, добродушно улыбаясь:

— А впрочемъ, все—счастіе. Вотъ, хотя-бы прошлымъ лѣтомъ. Слыхалъ ты о дуэли между Костичемъ и Штейномъ? Такъ вотъ, дуэль-то на шпагахъ была. Костичъ дрался артистомъ, однимъ изъ лучшихъ бойцовъ считался, ну, а Штейнъ чуть умѣлъ шпагу въ рукахъ держать. Дерутся это они. Костичъ и такъ, и сякъ, какъ молнія въ рукахъ шпага ходитъ... Десять разъ могъ заколоть Штейна, да, видишь-ли, игралъ съ нимъ, потѣшался. Наконецъ, довелъ того чуть не до обморока, пора кончать, ду-

маетъ—и выпалъ... Ну, и наткнулся на шпагу, самъ себя насквозь и прокололъ. Такъ, вотъ, оно счастіе-то!

— Да, ужъ кому повезетъ! —меланхолически подтвердилъ докторъ.

А мнѣ по этому поводу вспомнилось одно восточное сказаніе, въ которомъ говорится, что каждому человѣку при рожденіи опредѣлена извѣстная порція счастія и горя, и когда эти порціи кончаются, кончается и жизнь. Одинъ уничтожаетъ свою порцію скорѣе, другой медленнѣе, чѣмъ и объясняется неодинаковая продолжительность жизни. Почему-бы не такъ? Вотъ и я—еще молодъ, здоровъ, полъ-жизни могъ-бы еще имѣть передъ собою, а долженъ умереть. До сихъ поръ я не могъ жаловаться на судьбу. Я обладалъ двумя вещами, которыя, если, быть можетъ, не составляютъ самого счастья, то являются главными для него условіями: я былъ здоровъ и независимъ. И я истратилъ отведенную мнѣ порцію счастія, и теперь—конецъ. Что-же касается до горя, то двѣ послѣднія недѣли могли поглотить какую угодно порцію. Я даже убѣжденъ, что, не удовольствовавшись своею, я понахваталъ еще изъ какой-нибудь чужой, сосѣдней.

— Ѣдутъ! —сказалъ вдругъ Николай, сидѣвшій на передней скамейкѣ. Мы обернулись. Быстро насъ нагоняя, мчалась тройка. Не доѣхавъ до насъ шаговъ на тридцать, ямщикъ сдержалъ лошадей.

— Теперь не далеко, — заявилъ Щетневъ: — версты двѣ. Вотъ въ той рощѣ. Лошадей оставимъ на дорогѣ. Тутъ никто никогда не ѣздитъ.

Скоро мы остановились и, шлепая по мокрой луговинѣ, потянулись къ рощицѣ. Рѣдкій, молодой березнякъ, облитый солнечными лучами, тихо переговаривался своими еще оголенными верхушками; но почки уже набухли и распространяли кругомъ себя сильный ароматъ. Еще болѣе, чѣмъ на дорогѣ, пахло здѣсь весной; все говорило о новой, нарождавшейся жизни.

Началась обычная процедура дуэли: отмѣриваніе шаговъ, заряжаніе пистолетовъ и т. д.

Наконецъ, насъ поставили, и я въ первый разъ внимательно взглянулъ на своего противника. Онъ стоялъ, весело болтая съ юнымъ корнетомъ, но не знаю уже почему, —потому-ли, что такъ было въ дѣйствительности, или почему другому, —мнѣ казалось, что эта болтовня, пересыпаемая шуточками и смѣхомъ, была натянута, неестественна.

Оленинъ выглядѣлъ совсѣмъ такимъ-же, какъ я его видѣлъ послѣдній разъ у Дюссо. Его щеки были также розовы, черные усики также аккуратно завивались колечками. И опять, глядя на него, я не испытывалъ ни злобнаго, ни горькаго чувства. Полное равнодушіе—и только.

— Господа, послѣдній разъ предлагаю вамъ примириться!— произнесъ Щетневъ оффиціальнымъ тономъ:

— Считаю своимъ долгомъ,—сказалъ я:—повторить то, что уже говорилъ гг. секундантамъ. Я глубоко сожалѣю о томъ, что случилось, и былъ-бы доволенъ, если-бы поручикъ удовлетворился моими извиненіями.

Оленинъ презрительно усмѣхнулся; на кругломъ, безусомъ лицѣ корнета выразилось негодованіе; у Николая отъ неожиданности выпалъ монокль, а Гудимовъ и Щетневъ открыли удивленные глаза. Говорить такія вещи при вызовѣ—еще туда-сюда, но извиняться на мѣстѣ поединка, съ пистолетами въ рукахъ,—этого никто изъ нихъ переварить не могъ.

Щетневъ повернулся вопросительно къ Оленину.

— Я не согласенъ,—громко произнесъ тотъ.

— Примиреніе не состоялось,—тѣмъ-же оффиціальнымъ тономъ возгласилъ Щетневъ.—Вы готовы, господа? Я начинаю: Разъ-два-три!

Оленинъ медленно поднялъ пистолетъ и сталъ цѣлиться. Очевидно, онъ имѣлъ серьезное намѣреніе отправить меня на тотъ свѣтъ, потому что цѣлилъ долго и тщательно. Даже слишкомъ долго, такъ какъ я видѣлъ ясно, какъ его пистолетъ дрожалъ. Наконецъ, раздался выстрѣлъ, и я еле успѣлъ удержать на головѣ шляпу, пробитую пулей.

Я отвелъ пистолетъ въ сторону и выстрѣлилъ. Пуля, съ

глухимъ шумомъ рикошетируя по вѣтвямъ, мягко ударилась въ стволъ дальней березы.

Перемѣнили пистолеты, и опять Оленинъ промахнулся, а я выстрѣлилъ въ сторону.

Оленинъ, который уже послѣ перваго моего выстрѣла нахмурился и сталъ нервно пощипывать свои усики, теперь измѣнился въ лицѣ и, подозвавъ Гудимова, началъ ему что-то съ жаромъ и волнуясь говорить. Но тотъ съ серьезнымъ видомъ молчалъ, пожимая только плечами.

— Теперь поздно,—произнесъ онъ громко:—надо было думать объ этомъ раньше, — и, отойдя къ Щетневу, сталъ заряжать пистолеты.

Опять намъ роздали пистолеты. Въ эту минуту надъ нашей площадкой, тревожно каркая, протянула ворона. Я быстро вскинулъ пистолетъ. Почти одновременно раздались два выстрѣла. Я слышалъ, какъ Оленинская пуля прожужжала довольно близко около моего уха; ворона-же на мгновеніе какъ-бы застыла на мѣстѣ, а потомъ, съ повисшими крыльями, какъ тряпка, шлепнулась о земь.

Конечно, это былъ случай. Хотя я очень хорошо стрѣлялъ, но убить изъ пистолета птицу въ летъ можно только случайно. Тѣмъ не менѣе, эффектъ отъ выстрѣла былъ полный, Гудимовъ и Щетневъ, какъ знатоки, съ одобреніемъ крякнули, Николай не выдержалъ и произнесъ вполголоса: „браво!“, въ широко-раскрытыхъ глазахъ корнета уже не было прежняго презрѣнія, а на Оленина, просто, жалко было смотрѣть. Его лицо совсѣмъ вытянулось и, казалось, что вотъ-вотъ, еще немного — и онъ расплачется.

— Молодцомъ, братъ!—тихо проговорилъ Щетневъ, подавая мнѣ новый пистолетъ. — Только что-же это будетъ? Ночевать, что-ли, мы здѣсь останемся! Пора-бы и кончить.

Я кивнулъ головой. Я самъ чувствовалъ, что пора кончить. Поединокъ принималъ глупый и смѣшной видъ. На Оленина теперь уже нельзя было разсчитывать. Было ясно, что при его нравственномъ состояніи онъ въ меня никогда не попадетъ.

Надо было, какъ выразился Щетневъ, „вывести его изъ строя". Но куда стрѣлять? Въ руку, въ ногу? Въ ногу опасно: самая пустяшная рана очень часто имѣетъ печальный исходъ. Въ руку, въ верхнюю часть плеча.

Ожидая выстрѣла Оленина, я стоялъ совершенно открытымъ, опустивъ руку и повернувшись къ нему всѣмъ туловищемъ. Онъ это замѣтилъ, и его губы искривились жалкою улыбкою. Онъ выстрѣлилъ почти не цѣлясь. Я поднялъ пистолетъ, выбралъ мѣсто, но только-что, увѣренный въ выстрѣлѣ, я сталъ нажимать на спускъ, какъ случилось нѣчто странное. Оленинъ сдѣлалъ быстрое движенiе, и я съ ужасомъ замѣтилъ, что, вмѣсто верхней части руки, подъ цѣликомъ очутилась его грудь. Я быстро дернулъ спускъ пистолета, но было уже поздно. Оленинъ зашатался, выронилъ пистолетъ и упалъ на руки подбѣжавшихъ секундантовъ.

А я стоялъ пораженный, уничтоженный. Вотъ и тягайся съ судьбой! Одно случайное движенiе—и убитъ человѣкъ, и всѣ мои планы рухнули. Я ѣхалъ сюда съ надеждою быть убитымъ, съ твердымъ намѣренiемъ щадить жизнь человѣка, который былъ мнѣ нуженъ, и вотъ—я живъ, а онъ лежитъ тамъ, въ крови, и убилъ его я, я, который только и думалъ о томъ, чтобы онъ остался живъ. Ну, не ужасъ ли это?!

Подошелъ Щетневъ.

— Плохо, братъ! Не могутъ найти пулю. Въ обморокѣ онъ, сейчасъ повезутъ. Нарочно это онъ, я видѣлъ. Какъ ты прицѣлился, точно кто его дернулъ. А впрочемъ, и намъ пора.

Мы пошли къ лошадямъ. По дорогѣ насъ нагналъ юный корнетъ.

— Извините,—обратился онъ ко мнѣ, съ важнымъ видомъ протягивая руку:—я долженъ передъ вами извиниться. Я васъ считалъ, называлъ трусомъ. . Теперь я вижу, что ошибался.

Меня взбѣсила самонадѣянность этого цыпленка.

— Безконечно счастливъ, что мнѣ удалось заслужить ваше одобренiе—очень сухо отвѣтилъ я.

Храбрость! Что такое храбрость? И можно ли назвать храбрымъ человѣка, ищущаго смерти?

Катя уѣхала... вчера уѣхала. Вотъ ея записка, которую я сейчасъ получилъ:

„Я уѣзжаю за границу. Вы, навѣрное меня поймете и одобрите. Мнѣ слишкомъ тяжело оставаться здѣсь. Прощайте. Будьте счастливы“.

Я не знаю, что со мною дѣлается: внутри—холодъ, а голова горитъ, и мысли, безъ связи, безъ начала и конца, безтолково бьются въ ней, какъ раненыя птицы... И я не могу съ ними справиться, не могу ничѣмъ заняться, и цѣлыми днями безсмысленно, какъ идіотъ, брожу изъ угла въ уголъ. А ночью еще хуже: какое-то полу-забытье, и кошмары, кошмары безъ конца...

Почти цѣлую недѣлю я не писалъ, какъ разъ съ того дня, какъ получилъ Катину записку. Эта записка меня окончательно пришибла. Почему? Что было въ ней такого неожиданнаго или страннаго? Ничего рѣшительно. Катя уѣхала, и хорошо сдѣлала, что уѣхала. Но что же мнѣ дѣлать, когда я самъ себя не разберу, когда во мнѣ сидятъ два совершенно различныхъ человѣка: одинъ—холодный, строгій, мыслящій, руководившій всѣми моими дѣйствіями съ момента ужаснаго открытія, — и другой, совсѣмъ непохожій на перваго, не желающій подчиняться его требованіямъ и рѣшеніямъ, любящій и страдающій. Первый уже давно рѣшилъ и сказалъ, что между мною и Катей все кончено, что возврата къ прошлому нѣтъ и быть не можетъ, — второй ничего этого знать не хочетъ, невыносимо страдаетъ и продолжаетъ надѣяться,—а на что? и самъ не знаетъ. И что странно! онъ вѣдь, въ сущности, прекрасно сознаетъ, что рѣшенія перваго ничто измѣнить не въ состояніи. Но это еще болѣе его мучаетъ. Онъ борется, протестуетъ, жадно слѣдитъ за первымъ, ловитъ каждую малѣйшую его оплошность. Онъ безостановочно и громко кричитъ: „люблю, люблю, люблю! ничего знать больше

не хочу!“ и отъ этого немолчнаго крика первый—строгій—уходитъ, прячется куда-то въ уголъ, а я теряю способность мыслить, разсуждать и, подобно губкѣ, весь становлюсь пропитанъ любовію, страданіемъ и безсмысленной надеждою. Иногда же мнѣ кажется, что я начинаю сходить съ ума.

Нѣсколько разъ пытался я писать, но не могъ: я чувствовалъ какое-то отвращеніе къ своей работѣ. Сегодня мнѣ, какъ будто, легче. Надо спѣшить. Положимъ, разсказывать осталось немного, про свиданіе съ Катей—и конецъ. Попробую.

Это было на третій, кажется, день послѣ дуэли. Я чувствовалъ себя очень скверно: отъ меня только-что ушелъ докторъ, заѣхавшій мнѣ сообщить, что сегодня утромъ Оленинъ скончался. Тяжело сознавать себя убійцей, хотя бы невольнымъ. Доложили о пріѣздѣ Софьи Михайловны. Она сказала, что пріѣхала по порученію Кати, которой очень хочется меня видѣть. Сначала я на-отрѣзъ отказался. Зачѣмъ? Намъ нечего говорить другъ другу. Но потомъ, конечно, согласился. Софья Михайловна выходитъ изъ кабинета и кричитъ: „Катя!“ Сначала я не понялъ — такъ былъ далекъ отъ мысли, что Катя здѣсь; но потомъ, услыхавъ хорошо знакомые шаги, совсѣмъ потерялся и долженъ былъ ухватиться за столъ, чтобы не упасть. Однако, мнѣ удалось коекакъ совладать съ охватившимъ меня волненіемъ, и когда Катя вошла, я наружно, конечно, казался спокойнымъ. Къ удивленію, у Софьи Михайловны достало-таки такта оставить насъ однихъ. Бросивъ на дочь значительный взглядъ и что-то ей шепнувъ, она съ достоинствомъ удалилась.

Мы сидѣли другъ противъ друга и молчали. Катя была немножко блѣдна, глаза ея были немножко красны (объ этомъ, вѣроятно, позаботилась Софья Михайловна); но въ общемъ, судя по наружности, она чувствовала себя прекрасно. Отъ нея, какъ всегда, вѣяло жизнью, здоровьемъ и счастьемъ. Казалось, буря послѣднихъ дней прошла стороной, не задѣвъ ее даже краемъ.

— Вы желали меня видѣть,—началъ я и остановился, такъ какъ голосъ мой предательски задрожалъ.

— Простите меня!—выговорила она тихо; но даже просьбы

не было въ томъ безучастномъ взглядѣ, которымъ она на меня смотрѣла.

— Простить... Что значитъ прощать? Если прощать значитъ не питать гнѣва, злобы, то я васъ давно простилъ; но если простить значитъ забыть, то этого я не могу.

— Примите меня, возьмите меня опять къ себѣ... Я буду вамъ вѣрною, покорною женой, —продолжала Катя тѣмъ же спокойнымъ, равнодушнымъ тономъ, какимъ говорятъ заученный урокъ.

Этотъ тонъ дѣйствовалъ на меня какъ самое лучшее успокоивающее средство, и я такъ же равнодушно отвѣтилъ:

— Это невозможно. Вспомните, что я васъ любилъ до послѣдней минуты, а вы начали меня обманывать чуть-ли не съ перваго года свадьбы. Вспомните, сколько у васъ было любовниковъ.

Она вспыхнула.

— Я знала, что изъ этого ничего не выйдетъ, — быстро сказала она, и голосъ ея зазвучалъ, наконецъ, живой ноткой— ноткой раздраженія.—Я была увѣрена, что вы не согласитесь... Это не я, это...—но она не успѣла договорить, такъ какъ дверь стремительно распахнулась и въ комнату влетѣла Софья Михайловна, съ искривленнымъ отъ злобы лицомъ. Она бросилась къ Катѣ и, схвативъ ее за плечи, бѣшено крикнула:

— На колѣни! Такъ развѣ просятъ! На колѣняхъ, подлая, на колѣняхъ проси!

„Сейчасъ она ее ударитъ“, —съ ужасомъ подумалъ я.

Но Катя предупредила ударъ и, покорно опустившись на колѣни, просительно сложила руки. И опять ея глаза приняли то отвратительное выраженіе животнаго страха, безсмысленнаго ужаса...

— Встаньте... перестаньте!..—проговорилъ я, задыхаясь:— Софья Михайловна, что же это такое?!

— Ничего, пусть постоитъ... Любила кататься, люби и саночки возить. Предъ мужемъ не грѣшно и на колѣняхъ постоять...

Но тутъ ко мнѣ явилась способность движенія. Я бросился къ Катѣ и поднялъ ее.

— Уходите, уходите!—закричалъ я не своимъ голосомъ.— А вы... а васъ... чтобы вашего духа никогда здѣсь не было! Ступайте вонъ!

Но тутъ уже началась комедія. Софья Михайловна, не на шутку струсивъ, подобрала юбки и, завизжавъ: „ахъ, батюшки, онъ меня убьетъ!" стрѣлой вылетѣла изъ кабинета, и если бы не Катя, которой удалось ее остановить уже на лѣстницѣ, очутилась бы въ такомъ видѣ на улицѣ.

Я убѣжалъ изъ Гатчины... я больше не могу... Мнѣ невыносимо видѣть его страданія... Господи, какъ онъ мучается! Ему позволили уже вставать, сидѣть въ креслѣ... воспаленіе въ легкихъ скрутило его въ два дня... Бѣдный, бѣдный мой мальчикъ! Соня меня удерживала, говоря, что скоро все кончится... Но я не могъ... Жгите, рѣжьте меня, дѣлайте со мною, что хотите, но видѣть этого ужасаня не могу, не могу...

Онъ умеръ... Довольно-таки интересная штука судьба. Какая логика, сколько разсчета, сколько терпѣнія! Точно математикъ, рѣшающій формулу... Неизвѣстныхъ величинъ только нѣтъ, да на мѣсто чиселъ поставлены человѣческія жизни...

Какъ это ни странно, но я сейчасъ видѣлъ Катю, даже разговаривалъ съ нею. Да, по правдѣ сказать, это и не первый разъ, что я ее вижу. Только вначалѣ она являлась мнѣ въ такомъ смутномъ видѣ, что я даже съ трудомъ узнавалъ ея черты; я скорѣе ощущалъ ея присутствіе, нежели видѣлъ ее. Притомъ, продолжалось это всего нѣсколько мгновеній. Но съ каждымъ разомъ она являлась мнѣ все яснѣе, оставалась со мною все дольше, а сегодня мнѣ удалось съ нею даже разговаривать.

Я ходилъ, по обыкновенію, изъ угла въ уголъ, какъ вдругъ кто-то прошепталъ мнѣ на ухо: „взгляни, она тамъ". Я поднялъ

глаза и тотчасъ же увидѣлъ Катю. Она сидѣла въ углу, за маленькимъ столикомъ, одѣтая въ мое любимое черное шелковое платье, и кротко мнѣ улыбалась. Я застылъ на мѣстѣ; я зналъ, что стоитъ мнѣ сдѣлать движеніе—и Катя исчезнетъ. Но зато я тотчасъ же заговорилъ (я и прежде пытался съ нею заговорить, но безуспѣшно). У меня уже давно было приготовлено для нея нѣсколько вопросовъ, и вотъ одинъ изъ нихъ я ей теперь и предложилъ.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, когда ты выходила за меня замужъ, любила ты меня? — спросилъ я съ замираніемъ сердца, боясь, что, при первыхъ звукахъ моего голоса, я увижу опять пустое кресло.

Она утвердительно качнула головой, и сердце мое усиленно забилось. Видѣть Катю—было счастьемъ, но разговаривать съ нею—это было блаженствомъ.

— Ты знаешь, какъ я тебя любилъ,—продолжалъ я, торопясь и волнуясь: — знаешь, какъ я и теперь тебя люблю... — Она опять кивнула головой. — Я молодъ, здоровъ... Ты имѣла все, чего только можетъ желать женщина... Какъ могла ты мнѣ измѣнить?

Катя перестала улыбаться; лицо ея приняло серьезное, даже строгое выраженіе. Она опустила голову.

Затаивъ дыханіе, я ожидалъ отвѣта. Наконецъ, она на меня взглянула, губы ея зашевелились.

— Не знаю!—услышалъ я ея голосъ,—тихій, глухой, но ясный.

— Ради Бога, отвѣть мнѣ на это! — произнесъ я умоляющимъ голосомъ. — Я любилъ тебя страстно, безумно, — ни въ чемъ тебя не стѣснялъ, исполнялъ каждое твое желаніе, прихоть... Я все готовъ былъ для тебя сдѣлать... жизни бы для тебя не пожалѣлъ, да и теперь — ты сама видишь — жить безъ тебя не могу... Какъ могло это случиться?

— Не знаю, не знаю!—простонала она.—Я иначе не могла... Я и теперь тебя люблю...

— Любишь!—И вдругъ меня всего затрясла дикая злоба.—

Неправда! Ты лжешь, лжешь, какъ всегда! Ты низкая, скверная обманщица! — И, не помня себя, я бросился впередъ; но Кати уже не было... Я опомнился и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Меня, кажется, считаютъ больнымъ. По крайней мѣрѣ, изъ Гатчины пріѣхала Соня и поселилась у меня. Кромѣ того, каждый день является докторъ. Его я не люблю: онъ какъ-то странно на меня смотритъ и слишкомъ много говоритъ... Къ тому же, надо отдать ему справедливость, говоритъ все больше глупости.

Я догадываюсь, кто затѣялъ всю эту кутерьму. Это Николай. Послѣдній разъ, какъ онъ у меня былъ, я ему предложилъ его застрѣлить, предварительно доказавъ ему очень ясно, что порядочнымъ людямъ жить не слѣдуетъ, что порядочные люди являются лишь балластомъ, тормозящимъ естественный ходъ міровыхъ событій; что когда на землѣ останутся одни негодяи, они очень быстро уничтожатъ другъ друга. А это все, что требуется. Что будетъ дальше, я, конечно, знать не могу; знаю только, что хуже, чѣмъ теперь, не будетъ. Зато, какимъ прекраснымъ станетъ міръ, когда останется безъ людей, и какъ хорошо въ немъ будетъ первому новому человѣку! Къ тому-же, надо полагать, что въ виду неудачи перваго опыта, человѣкъ на этотъ разъ явится въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Я понимаю, что неожиданность такого предложенія можетъ смутить каждаго. Мы не любимъ ничего оригинальнаго, выходящаго изъ ряду вонъ, такъ какъ не любимъ думать. Прежде чѣмъ освоиться съ такою мыслью, ее необходимо, такъ сказать, умственно переварить, заставить войти въ плоть и кровь. Но почему Николай испугался, поблѣднѣлъ и, не давъ даже мнѣ договорить до конца, поспѣшно всталъ и ушелъ?! Глупый! Неужели онъ подумалъ, что я его убью противъ его воли. А въ тотъ-же вечеръ явилась Соня.

Само собой, я и ей сообщилъ о своемъ планѣ, такъ какъ ей-то уже обязательно умереть. Сначала она стала горячо возражать, спрашивала, что станется съ дѣтьми. Признаюсь, вопросъ о дѣтяхъ и меня нѣсколько смущалъ. Вѣдь нельзя знать,

что изъ нихъ выйдетъ: негодяи или люди порядочные. Въ первомъ случаѣ, нѣтъ надобности лишать ихъ жизни: напротивъ, это было-бы даже рискованно: изъ нихъ могутъ выйти негодяи очень крупные, которые, при взаимномъ уничтоженіи, будутъ играть большую роль. Но, съ другой стороны, успѣютъ-ли они къ тому времени вырости? Хотя, по моимъ соображеніямъ, если только моя идея привьется и найдетъ ходъ,— моментъ общаго уничтоженія долженъ наступить въ недалекомъ будущемъ.

Какъ-бы тамъ ни было, Соня настояла на томъ, чтобы дѣтей оставить пока въ живыхъ; наблюденіе-же за ними возложить на Николая,—который, кстати, прямо объявилъ, что умирать не желаетъ; когда-же они подростутъ и нравственная ихъ физіономія выяснится, тогда Николаю уже будетъ ясно, что съ ними дѣлать.

И такъ, Соню мнѣ удалось убѣдить; но, все-таки, она у меня выпросила двухъ-недѣльный срокъ на устройство дѣлъ. Пришлось, скрѣпя сердце, согласиться.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что ея согласіе не совсѣмъ добровольное: ей что-то ужъ очень жаль дѣтей. Но это понятно, тѣмъ болѣе, что, повторяю, съ моей идеей свыкнуться сразу очень трудно.

Зато Катя очень проситъ, чтобы я ее убилъ. Она пристаетъ ко мнѣ съ этимъ каждый разъ, какъ приходитъ; а приходитъ она теперь часто, почти каждый день. Она не понимаетъ, что я этого сдѣлать не могу, что это было-бы непослѣдовательно. Именно ей, такимъ, какъ она, и слѣдуетъ жить.

Сегодня меня очень разсердилъ докторъ. Онъ и вообще болтунъ, но сегодня былъ какъ-то особенно въ ударѣ и надоѣлъ мнѣ своими глупостями страшно. „Передовой интеллигентъ“ долженъ такъ-то думать, „передовой интеллигентъ“ такъ-то долженъ поступать. И это въ продоженіи-битыхъ двухъ часовъ. „Передовой интеллигентъ“—его любимое слово, онъ его суетъ всюду, а мнѣ оно, просто, на нервы дѣйствуетъ. Наконецъ, онъ сталъ доказывать, что человѣкъ не можетъ руководствоваться

въ жизни принципомъ личнаго счастія и долженъ быть пропитанъ идейной любовью ко всему человѣчеству. Я не выношу фразъ и такъ какъ за послѣднее время сталъ очень раздражителенъ, то вспылилъ и наговорилъ ему дерзостей. Я прямо ему сказалъ, что если всѣ „передовые интеллигенты“ такъ глупы, какъ онъ, то ихъ вѣрнѣе слѣдовало-бы называть передовыми ослами. Конечно, мнѣ тотчасъ-же стало стыдно этихъ словъ. но, къ моему удивленію, докторъ совсѣмъ не обидѣлся. Онъ громко разсмѣялся и сказалъ только, что со мною сегодня спорить нельзя.

А я сегодня, дѣйствительно, очень возбужденъ. Это отъ ожиданія. Я жду прихода Кати, которая должна мнѣ отвѣтить на одну вещь.... Нѣтъ, я не могу теперь объ этомъ говорить, не смѣю... Но если это случится, если отвѣтъ будетъ благопріятный—Господи, какое это будетъ счастіе!

Она согласилась! Я внѣ себя отъ радости... Я такъ счастливъ, это такъ хорошо, что иногда мнѣ кажется, будто я вижу чудный сонъ, и я боюсь, что вотъ-вотъ онъ исчезнетъ.

Какъ только Катя согласилась, я тотчасъ-же побѣжалъ къ Сонѣ. Она, конечно, очень обрадовалась. Но кто меня удивилъ, такъ это докторъ. Я никакъ не ожидалъ, что мой проектъ возбудитъ въ немъ такое живое участіе. Онъ отнесся къ нему положительно съ восторгомъ и непремѣнно хочетъ намъ сопутствовать. Что-жъ? Пускай ѣдетъ. Его помощь будетъ даже полезна. Однако, я прямо его предупредилъ, чтобы онъ не разсчитывалъ остаться съ нами навсегда. Это было-бы опасно: вѣдь онъ, все-таки, мужчина.

Тотчасъ-же мы всѣ вмѣстѣ занялись отыскиваніемъ подходящаго мѣста. Не легко это было; люди всюду пролѣзли. Докторъ говоритъ и я съ нимъ согласенъ, что скоро необитаемый островъ отойдетъ въ область преданій и его днемъ съ фонаремъ не сыщешь. Наконецъ мы остановились на одномъ изъ острововъ Полинезіи.

Теперь вокругъ меня идутъ дѣятельныя приготовленія къ

отъѣзду. Трогаемся мы завтра—Катя, докторъ и я. Соня съ дѣтьми пріѣдетъ послѣ. Меня ото всѣхъ этихъ хлопотъ отстранили, за меня старается докторъ. Да и хорошо сдѣлали: я такъ полонъ мыслями о новой жизни, что ни о чемъ другомъ думать не могу. Я не скрываю отъ себя, что вначалѣ будетъ трудно. Много борьбы и лишеній придется перенести, прежде чѣмъ все устроится. Но со мною будетъ Катя — и стоитъ-ли говорить о борьбѣ и лишеніяхъ! Для нея я на все готовъ и нѣтъ вещи, которой я чувствовалъ-бы себя не въ силахъ сдѣлать. Съ твердой надеждой смотрю я на будущее, и оно мнѣ кажется свѣтлымъ и полнымъ безмятежнаго счастія. Катя, голубка, какъ чудно-хорошо ты сдѣлала, что согласилась!

Докторъ говоритъ, что я напрасно такъ волнуюсь и все пристаетъ ко мнѣ съ какими-то порошками. Смѣшной! Неужели счастіе можетъ быть вредно?! Но вотъ что странно и даже непріятно: я нѣсколько разъ ловилъ на себѣ упорный взглядъ Сони, и хотя она тотчасъ-же отворачивалась, тѣмъ не менѣе я успѣвалъ замѣтить печальное выраженіе ея лица и глаза, полные слезъ. Когда-же, желая ей что-то сказать и не найдя ее внизу, я поднялся наверхъ, то, подойдя къ ея комнатѣ, услышалъ громкія рыданія. Я вошелъ и спросилъ ее, о чемъ она плачетъ? Но она, вмѣсто отвѣта, бросилась ко мнѣ на шею и, вся вздрагивая отъ слезъ, прерывающимся голосомъ залепетала: „бѣдный Паша, бѣдный Паша!“ Ну, тутъ, признаться, я разсердился... И чего, въ самомъ дѣлѣ, она плачетъ?!

Конецъ.

НОВАЯ СЕРІЯ

ИЗДАНІЙ

„ПОСРЕДНИКА“

ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

ЦѢНА.

II. **Противъ пьянства.** Рѣчь проф. Фореля. Москва. 1893 г. . . . . 15 к.

IV. **Питаніе человѣка** въ его настоящемъ и будущемъ. Проф. А. Н. Бекетова. Москва. 1893 г. . . . . 10 к.

V. **Научныя основанія вегетаріанства.** Доктора медицины Анны Кингсфордъ. Перев. съ англійскаго. Москва. 1893 г. 30 к.

VI. **Злая забава.** Мысли объ охотѣ. В. Ч—ва. Москва. 1893 г. . . . . 15 к.

VII. **Жена.** Разсказъ Антона Чехова. Москва. 1893 г. . . . . 25 к.

VIII. **Именины.** Разсказъ Антона Чехова. Москва. 1893 г. . . . . 20 к.

IX. **Трупъ.** Разсказъ П. Д. Боборыкина. Москва. 1893 г. . . . . 20 к.

X. **Гость.** Драма Эд. Брандеса. Переводъ съ датскаго. Москва. 1893 г. . . . . . 15 к.

XI. **Проклятая слава.** Разсказъ И. Н. Потапенко. Москва. 1893 г. . . . . . 15 к.

XII. **Деньги.** Романъ Альгрена. Переводъ со шведскаго. Москва. 1893 г. . . . . 60 к.

Готовятся къ печати дальнѣйшіе выпуски этой серіи, содержащіе разнообразныя, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, художественныя произведенія, сочиненія и статьи.

Дозв. ценз. Москва, 3 февраля 1893 г. Тип. И. Д. Сытина и К°., въ Москвѣ

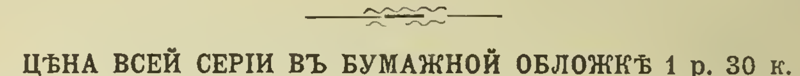
РУССКІЯ КАРТИНЫ.

ИЗДАНІЕ „ПОСРЕДНИКА“.

СНИМКИ СЪ НѢКОТОРЫХЪ ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ:

1. **Чтеніе Положенія 19 февраля.** *Г. Г. Мясоѣдова.*
2. **Раздѣлъ.** *В. М. Максимова.*
3. **Пріѣздъ гувернантки.** *В. Г. Перова.*
4. **Неравный бракъ.** *В. В. Пукирева.*
5. **Проводы новобранца.** *И. Е. Рѣпина.*
6. **На войну.** *К. А. Савицкаго.*
7. **Письмо на родину.** *Бар. М. П. Клодта.*
8. **Больная сестра милосердія.** *Его же.*
9. **„Вернулся“.** *И. Е. Рѣпина.*
10. **Оправданная.** *В. Е. Маковскаго.*
11. **Осужденный.** *Его же.*
12. **Всюду жизнь.** *Н. А. Ярошенко.*
13. **Новое знакомство.** *К. В. Лемоха.*

ЦѢНА ВСЕЙ СЕРІИ ВЪ БУМАЖНОЙ ОБЛОЖКѢ 1 р. 30 к.

КАЖДАЯ КАРТИНА ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО ПО 10 К.

Иногородные заказчики, выписывающіе всю серію, за пересылку НЕ ПЛАТЯТЪ. Книгопродавцамъ 30% уступки.

ПРИБЫЛЬ СЪ ЭТОГО ИЗДАНІЯ НАЗНАЧАЕТСЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ПОСТРАДАВШИХЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ПЕРВОЙ СЕРІИ „РУССКИХЪ КАРТИНЪ“.

Картины большія, настоящія, покупаемыя богачами и даже собираемыя въ галлереи съ безплатнымъ входомъ, доступны только очень малому проценту населенія. Едва ли одна сотая всего населенія побывала въ этихъ галлереяхъ. Но и изъ тѣхъ, которые побывали въ нихъ, едва ли у одной сотой изъ этой сотой осталось какое-нибудь живое, сильное впечатлѣніе отъ видѣнныхъ въ праздники за разъ сотенъ картинъ.

Впечатлѣнія настоящія, сильныя, не забывающіяся производятся на огромное большинство людей не этими большими, настоящими картинами, собранными въ галлереяхъ, а тѣми копеечными картинками, которыя расклеены и развѣшаны по стѣнамъ комнатъ и крышкамъ сундуковъ, по всѣмъ милліонамъ домовъ рабочихъ людей отъ Камчатки до Бессарабіи и отъ Архангельска до Крыма, и тѣми дешевыми гравюрами и литографіями, которыя пріобрѣтаются простымъ народомъ въ другихъ странахъ. Хороши или дурны, радостны или печальны, нравственны или безнравственны впечатлѣнія, получаемыя отъ этихъ картинъ, но они получаются милліонами и милліонами людей. И если искусство живописи имѣетъ вліяніе на жизнь людей, то именно черезъ эти картинки въ огромномъ количествѣ разъ больше, чѣмъ черезъ большія, настоящія картины, развѣшанныя въ частныхъ домахъ и публичныхъ галлереяхъ.

Если представить себѣ, что всѣ тѣ картины, большею частью пустого или сквернаго содержанія, которыя развѣшаны теперь по стѣнамъ всѣхъ людскихъ жилищъ во всемъ мірѣ, ежедневно, ежечасно привлекая взоры и вниманіе сотенъ милліоновъ человѣческихъ существъ всѣхъ возможныхъ возрастовъ и степеней развитія, всѣхъ возможныхъ убѣжденій и настроеній, — если представить себѣ, что въ одинъ

прекрасный день всѣ эти изображенія какимъ-нибудь чудомъ вдругъ замѣнились бы сносными снимками съ лучшихъ произведеній живописи, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ и живою мыслью и выраженныхъ въ формѣ соотвѣтствующей силы, то всякій согласится, что такая замѣна была бы важнымъ двигателемъ въ дѣлѣ нравственнаго прогресса и имѣла бы большое и благотворное вліяніе на жизнь людей.

Осуществить подобное чудо не во власти человѣка; но въ его власти приложить усиліе къ движенію въ этомъ направленіи. И это-то самое мы и хотимъ дѣлать. Мы хотимъ удовлетворять общераспространенной потребности въ пользованіи произведеніями живописи у себя на дому въ такихъ общедоступныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ художественныхъ воспроизведеніяхъ съ лучшихъ изъ существующихъ картинъ, которыя могли бы служить дѣйствительно достойными украшеніями человѣческихъ жилищъ.

Все указываетъ на то, что время назрѣло для осуществленія подобной задачи: интересы рабочихъ массъ привлекаютъ всеобщее вниманіе; сами представители этихъ массъ проявляютъ потребность въ удовлетвореніи самыхъ разнообразныхъ запросовъ своей душевной природы. Съ другой стороны и среди представителей искусства все громче слышатся голоса въ пользу возможно бо́льшаго расширенія предѣловъ той среды, которая до сихъ поръ исключительно пользуется благами искусства. Наконецъ и успѣхи послѣднихъ лѣтъ въ области техники воспроизведенія предметовъ живописи идутъ навстрѣчу той же задачѣ.

Пользуясь этими обстоятельствами и ободряемые сочувствіемъ, которымъ было встрѣчено наше книжно-издательское предпріятіе, мы рѣшаемся сдѣлать посильную попытку для пополненія ощущаемаго пробѣла и предпринимаемъ общедоступное народное изданіе лучшихъ произведеній живописи — сначала русской школы.

Для того, чтобы наши новыя картины дѣйствительно расходились среди массы простого рабочаго населенія Россіи наравнѣ съ пріобрѣтаемыми имъ въ такомъ большомъ количествѣ, такъ называемыми, лубочными картинами, необходимо соблюденіе нѣсколькихъ условій, неизбѣжно вытекающихъ изъ современнаго положенія торговли народными изданіями.

Нужно, прежде всего, чтобы наши новыя картины имѣли точно такой же доступъ къ народу какъ и обыкновенныя лубочныя. Для этого мы поручаемъ печатаніе и оптовую продажу нашихъ картинъ крупнѣйшей изъ московскихъ фирмъ, печатающихъ народныя книги и картины. Фирма эта,—**Товарищество И. Д. Сытинъ и К⁰.** (та самая, которая способствовала такому широкому распространенію въ народѣ издаваемыхъ нами книжекъ), — поставляетъ, между прочимъ, и лубочнымъ торговцамъ свои изданія, которыя, такимъ образомъ, разносятся коробочниками и офенями по всѣмъ городамъ, селамъ и захолустьямъ Россіи.

Другое необходимое условіе заключается въ томъ, чтобы картины наши были раскрашены, такъ какъ пока еще нельзя разсчитывать на то, чтобы некрашеныя картины, какого бы прекраснаго онѣ ни были содержанія, успѣшно конкурировали на лубочномъ рынкѣ съ тѣми ярко раскрашеными картинами, которыми народъ привыкъ украшать свои жилища. Мы хотимъ, поэтому, иллюминовать нѣсколькими красками то изданіе нашихъ картинъ, которое будетъ спеціально предназначаться для распространенія среди простого народа.

Успѣхъ нашего предпріятія зависитъ, наконецъ, еще и отъ того условія, чтобы цѣна нашихъ новыхъ картинъ какъ разъ совпадала съ цѣною, установившеюся вообще для лубочныхъ картинъ соотвѣтствующаго формата. Между тѣмъ цѣна эта такъ ничтожна, что никакъ не можетъ окупить всѣхъ расходовъ, неизбѣжно связанныхъ съ сколько-нибудь сноснымъ въ художественномъ отношеніи выполненіемъ предпринимаемаго нами изданія. Въ виду этого мы рѣшились *предварительно* изда-

вать *некрашеные* выпуски нашихъ картинъ по цѣнѣ хотя по возможности и дешевой, однако достаточной для того, чтобы окупать нѣкоторую часть предстоящихъ расходовъ на *дальнѣйшее крашеное* изданіе этихъ самыхъ картинъ,— на столько, чтобы выручка отъ продажи послѣднихъ могла покрывать остальную часть расходовъ на ихъ изданіе *).

Публика, для которой предназначается нынѣ выпускаемое нами предварительное некрашеное изданіе нашихъ новыхъ картинъ, состоитъ, помимо такъ называемой „интеллигенціи", изъ того уже значительнаго и постоянно разростающагося круга людей, которые, хотя и мало образованы, однако достаточно развиты для того, чтобы оцѣнить картину по внутреннему ея содержанію, независимо отъ внѣшней привлекательности, придаваемой ей красками. Этимъ покупателямъ мы предлагаемъ наши картины по цѣнѣ, не только для нихъ не обременительной, но доставляющей имъ до сихъ поръ еще небывалую возможность при такой незначительной затратѣ пріобрѣтать хорошіе снимки съ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ произведеній отечественной живописи.

При этомъ мы обращаемся къ нашимъ покупателямъ съ просьбою оказать нѣкоторую снисходительность въ оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ этого перваго нашего изданія такого характера. Всякое новое предпріятіе сопряжено съ массою затрудненій и помѣхъ, о которыхъ не могутъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія тѣ, кто судятъ о немъ со стороны. При выпускѣ дальнѣйшихъ серій нашихъ картинъ мы надѣемся путемъ улучшенія техническихъ пріемовъ ихъ воспроизведенія постоянно совершенствовать ихъ художественныя достоинства.

Тѣхъ лицъ, которымъ задача наша окажется сочувственною, мы убѣдительно просимъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ, кто чѣмъ можетъ, возможно большему распространенію этихъ картинъ. Мы рѣшаемся обратиться къ нимъ съ такою просьбою единственно потому, что наше издательское дѣло совершенно чуждо какихъ-либо коммерческихъ цѣлей, и что по причинѣ, объясненной выше, отъ болѣе или менѣе широкаго сбыта этихъ некрашеныхъ картинъ будетъ зависить возможность осуществленія того дальнѣйшаго крашенаго изданія этихъ самыхъ картинъ, которое, предназначаясь спеціально для простого народа, впервые откроетъ ему хоть нѣкоторый доступъ къ истинно прекраснымъ произведеніямъ живописи.

Мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы выразить нашу живѣйшую благодарность тѣмъ художникамъ и частнымъ лицамъ, которые въ той или другой формѣ оказали намъ свое практическое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Только благодаря ихъ теплому сочувствію и дѣятельному участію и было возможно предпринять эти первые шаги въ осуществленіе задачи, лежащей передъ нами.

Редакція изданій „Посредника".

УВѢДОМЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ ИЗДАНІЙ „ПОСРЕДНИКА".

Осуществивъ нѣкоторыя перемѣны въ книгопродавческой области нашего издательскаго дѣла, мы считаемъ нужнымъ довести о томъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ, имѣющихъ какія-либо сношенія съ нашею фирмою.

---

*) Таково было наше первоначальное намѣреніе, которое мы и надѣемся въ свое время осуществить. Но въ виду наступившаго голода среди крестьянскаго населенія многихъ мѣстностей Россіи, мы рѣшились, отложивъ на время всякія другія соображенія, употребить прибыль съ этого перваго изданія нашихъ картинъ въ пользу голодающихъ.

Нашъ петербургскій книжный магазинъ, извѣстный подъ названіемъ нашего „книжнаго склада“ (помѣщавшійся по Лиговкѣ, домъ № 29), былъ первоначально открытъ единственно съ цѣлью содѣйствія распространенію въ обществѣ нашихъ изданій, расходящихся въ народѣ путемъ такъ называемой лубочной торговли. Этотъ складъ, главнымъ образомъ, ставилъ себѣ задачей возможно аккуратнѣйшее исполненіе всѣхъ иногородныхъ заказовъ, не только крупныхъ, но и самыхъ мелкихъ, которые, вызывая со стороны отправителя значительныя хлопоты, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ такую незначительную прибыль, что не особенно охотно исполняются книжными магазинами, преслѣдующими коммерческія цѣли.

Въ настоящее время изданія наши достигли достаточно всеобщаго распространенія для того, чтобы со стороны сбыта уже болѣе не нуждаться въ нашемъ спеціальномъ содѣйствіи.

Кромѣ того, въ послѣднее время открылось нѣсколько новыхъ складовъ, преслѣдующихъ цѣли продажи народныхъ изданій и возможно добросовѣстнаго исполненія даже самыхъ мелкихъ иногородныхъ заказовъ.

Мы воспользовались этими обстоятельствами для того, чтобы съ 1-го августа 1891 года закрыть нашъ петербургскій книжный складъ, и увѣдомляемъ всѣхъ прежнихъ покупателей и заказчиковъ этого нашего склада, что въ настоящее время главный складъ изданій „Посредника“ находится въ Москвѣ, при книжной торговлѣ **М. Е. Конусова**, Тверская ул., близъ Страстного монастыря, домъ Чижовыхъ, и что изъ этого новаго склада изданія наши отпускаются совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и изъ первоначальнаго Петербургскаго. Въ Петербургѣ же полный запасъ всѣхъ нашихъ изданій будетъ всегда налицо въ книжномъ складѣ **А. М. Калмыковой**, Литейный проспектъ, домъ № 60, близъ Невскаго. Оптовые покупатели могутъ также обращаться въ книжные магазины **Товарищества И. Д. Сытинъ и К°**: Москва, Ильинскія ворота, домъ Титова, и С.-Петербургъ, Большая Садовая, домъ № 25.

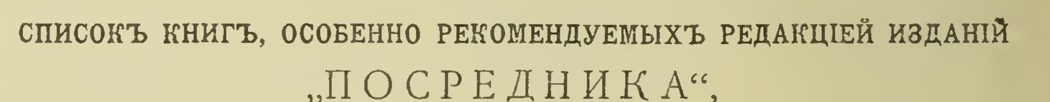
Желая по возможности продолжать слѣдить за исправнымъ и аккуратнымъ удовлетвореніемъ спроса на наши изданія, мы убѣдительно просимъ всѣхъ покупателей, имѣющихъ сообщить намъ какія-либо свѣдѣнія, совѣты или жалобы по этому предмету, направлять свои письма по слѣдующему адресу: **Въ Редакцію изданій „Посредника“, Россоша, Воронежской губ.** Сюда же просимъ и всѣхъ нашихъ корреспондентовъ адресовать свои письма къ намъ. Изъ московскаго же нашего главнаго склада (при книжной торговлѣ **М. Е. Конусова**) будутъ намъ сюда же доставляться всѣ письма нашихъ заказчиковъ, содержащія какія-либо замѣчанія, относящіяся до содержанія нашихъ изданій или вообще касающіяся вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію Редакціи.

Принимая во вниманіе постоянный спросъ на издаваемый нами списокъ книгъ (различныхъ издателей), продававшихся въ складѣ **„Посредникъ“**, мы намѣрены продолжать внимательно просматривать всѣ вновь выходящія книги, подходящія для народнаго чтенія, и съ каждымъ новымъ изданіемъ нашего списка пополнять его указаніями на всѣ новыя книжки, заслуживающія, по нашему мнѣнію, вниманія. Списокъ этотъ будетъ на будущее время печататься подъ заглавіемъ: *Каталогъ книгъ для народнаго чтенія, рекомендуемыхъ Редакціею изданій „Посредника“.*

Перечень же книжекъ, издаваемыхъ при нашемъ собственномъ ближайшемъ участіи, будетъ носить названіе: *Списокъ книгъ, особенно рекомендуемыхъ Редакціей изданій „Посредника“.*

Въ виду часто возобновляющихся совершенно ложныхъ слуховъ о прекращеніи, будто бы, нашей издательской дѣятельности, мы пользуемся этимъ случаемъ для того, чтобы обратить вниманіе лицъ, ей сочувствующихъ, на то, что выше сообщенная

незначительная перемѣна въ торговой обстановкѣ нашего предпріятія не только не вызывается упадкомъ самаго дѣла, но, наоборотъ, обусловливается съ нашей стороны необходимостью нѣсколько освободиться отъ чисто коммерческихъ заботъ для того, чтобы быть въ состояніи удѣлять возможно болѣе времени собственно издательской сторонѣ нашей задачи, которая, постоянно расширяясь и развѣтвляясь на новыя отрасли, требуетъ всего нашего вниманія.

СПИСОКЪ КНИГЪ, ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЕМЫХЪ РЕДАКЦІЕЙ ИЗДАНІЙ „ПОСРЕДНИКА“,

изданныхъ при ея ближайшемъ участіи.

КНИЖКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

а) Повѣсти и древнія сказанія; разсказы и очерки военные и бытовые, изъ крестьянской и городской жизни. Повѣсти изъ иностранной жизни.

№№		Коп.
91	**Совѣстный Данила.** Н. С. Лѣскова. (Рис. И. Е. Рѣпина)	1½
96	**I. Левъ старца Герасима. II. Повѣсть о богоугодномъ дровоколѣ.** Его же. (Рис. И. Е. Рѣпина)	1½
18	**Фабіола или древніе христіане**	3
8	**Галя.** О. И. Шмидтъ	1½
40	**Сигналъ.** Всеволода Гаршина	1½
65	**„Человѣкъ за бортомъ“.** М. Костина. (Рис. В. К. Дитерихса)	1½
84	**Спасенный.** А. П. Барыковой	3
50	**Подвигъ**	1½
66	**На Волгѣ**	1½
102	**Перепелка.** И. С. Тургенева. (Рис. Е. М. Бемъ, В. М. Васнецова и В. И. Сурикова)	1½
46	**Медвѣди.** Всев. Гаршина. (Рис. Е. М. Бемъ)	1½
3	**Кавказскій плѣнникъ.** Л. Толстого	1½
31	**Осада Севастополя.** Его же	3
100	**Три смерти.** Его же	1½
80	**Фигура.** Н. С. Лѣскова	15
19	**Братъ на брата**	1½
106	**Первое сраженіе.** И. Щеглова	3
14	**Дѣдъ Софронъ.** В. П. Савихина	1½
52	**Слѣпые-неразлучники.** П. В. Засодимскаго	5
27	**Марья-кружевница.** О. Н. Хмелевой	1½
94	**I. Мареуша-сирота. II. Подпасокъ Ѳедька.** С. Т. Семенова	3
47	**Два брата.** Его же	3
58	**Не въ деньгахъ счастье.** Его же	1½
90	**I. Наслѣдство. II. Дворникъ. III. Сонъ Максима.** Его же	1½
38	**Раздѣлъ.** С. В. Журовова	1½
89	**Лихіе подарки.** О. П. Руновой	1½
23	**Жадный мужикъ.** А. И. Эртеля	3

№№		Коп.
4	**I. Черные вороны. II. Весь вѣкъ для другихъ.** П. В. Засодимскаго	1½
9	**Странникъ**	1½
29	**Воръ.** Я. Е. Гололобова	5
72	**Ледащій.** Разсказъ	1½
86	**Три разсказа. I. Совѣсть. II. Орелъ. III. Какъ встарину судили**	3
68	**Гончаръ-самоучка**	1½
49	**Голодный годъ.** Н. Н. Манжуры (распродано)	1½
35	**I. Свѣтъ жизни. II. Телка** (распрод.)	1½
6	**Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.** Л. Толстого	1½
7	**Христосъ въ гостяхъ у мужика.** Лѣскова	1½
59	**Попутчикъ.** Піэтари Пэйверинта	1½
28	**Махмудкины дѣти.** В. И. Немировича-Данченко	1½
83	**Собака.** Е. П. Шелеметьевой	1½
119	**Пріемышъ.** В. Короленко	1½
112	**Омелько-Каторжникъ и др. разсказы.** Д. Марковича	1½
54	**Рыжій графъ.** П. В. Засодимскаго	1½
53	**Чудесный камень мудрецовъ или алхимикъ.** Его же	5
105	**Новая повѣсть о милордѣ Георгѣ.** А. Юрьевой	7

б) Сборники разсказовъ.

№№		Коп.
34	**Цвѣтникъ.** (102 разсказа)	10
99	**Малымъ ребятамъ.** К. I. Разсказы и стихи. (Рисунки Е. М. Бемъ)	1½
107	**Малымъ ребятамъ.** К. II. Разсказы и стихи. (Рисунки Е. М. Бемъ, И. Е. Рѣпина и др.)	1½
108	**Царь Мидасъ и др.** Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для дѣтей школьнаго возраста	10
109	**Жить — любви служить.** Сборникъ былей и стиховъ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ	7

№№		Коп

в) **Сборники стихотворeній и пѣсенники.**

44 **Гусляръ** Сборникъ избранныхъ стиховъ русскихъ и иностранныхъ стихотворцевъ 8
82 **На памятъ внукамъ.** Сборникъ стихотворенiй А. П. Барыковой. (Рис. Е. М Бемъ) 3
93 **Земля-кормилица.** Сборникъ пѣсенъ. стиховъ, пословицъ и загадокъ. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. (Рис. Е. М. Бемъ). 10
95 **Русскій пѣсенникъ** 10
117 **Дѣдушкины пѣсни.** Стих. для дѣтей А. Н. Плещеева. 3
116 **Пѣсни стараго друга.** Стих. Его же. 3

г) **Сказки.**

60 **Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** А. С. Пушкина. (Рисун. гр. Ѳ. Л. Соллогуба) . . . . $1^1/_2$
33 **Рождественская сказка** . . . . $1^1/_2$
64 **Царевна Меллина.** Кота Мурлыки . $1^1/_2$
73 **Паша-пастухъ** Лабулэ . . . . $1^1/_2$
26 **Сказка объ Иванѣ-дуракѣ.** (Рисунки Е. М. Бемъ) 3

д) **Историческіе очерки и жизнеописанія.**

77 **Александръ Македонскій, знаменитый завоеватель** 10
78 **Жизнь древнихъ христіанъ** 3
20 **Іоаннъ воинъ.** . . . . $1^1/_2$
10 **Житіе св. Филарета Милостиваго** . $1^1/_2$
15 **Житія св. Петра Мытаря, св. Павлина Ноланскаго и др.** . . . . $1^1/_2$
11 **Францискъ Ассизскій.** Е. П. Свѣшникой . . . . $1^1/_2$
32 **Иванъ Гусъ** . . . . $1^1/_2$

е) **Поученія и избранныя мысли изъ твореній духовныхъ писателей.**

85 **Душеспасительныя наставленія св. Тихона Задонскаго** 75
69 **Поученія св. Іоанна Златоуста** . . . $1^1/_2$
59 **Житіе и избранныя мѣста изъ твореній преподобнаго Макарія Египетскаго.** $1^1/_2$

ж) **Жизнь и ученія мудрецовъ.**

18 **Греческій мудрецъ Сократъ** 3
97 **Греческій мудрецъ Діогенъ** 7
81 **Римскій мудрецъ Эпиктетъ** 7
63 **Размышленія римскаго императора Марка Аврелія.** 5

№№		Коп.

75 **Французскій мудрецъ Паскаль.** Сост. А. И. Орловъ. 5
45 **Н. В. Гоголь, какъ учитель жизни.** Его же. (Рис. И. Е. Рѣпина). . . 3

з) **Описанія жизни разныхъ народовъ.**

76 **Какъ живутъ китайцы:** что у нихъ есть хорошаго 3

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ

а) **Повѣсти и разсказы. (Пьянство. Разгулъ. Брачныя отношенія. Покинутыя дѣти).**

70 **Вино.** С. Т. Семенова . . . . $1^1/_2$
12 **Кривая доля** В. И. Савихина . . . $1^1/_2$
48 **Въ городъ.** С. Т. Семенова. . . . . $1^1/_2$
62 **Два сосѣда.** В. И Савихина . . . 3
71 **„Мой грѣхъ до меня дошелъ“** Два разсказа: **I. Вьюга. II. Жестокій мужъ** . . . . $1^1/_2$
67 **Семенъ-сирота и его жена.** Ѳ. Ѳ. Тищенко 5
57 **Злая невѣстка.** С. В. Журавова . . $1^1/_2$
30 **Бабья доля** 3
42 **Хворая** А. Потѣхина. 20
92 **Прекрасная Аза.** Н. С. Лѣскова (Рис. И. Е. Рѣпина). . . . . $1^1/_2$
98 **Немилая жена** С. Т. Семенова. . . $1^1/_2$
88 **Питомка.** В. С. . . . . $1^1/_2$
36 **Мірское дите.** П. И. Засодимскаго. $1^1/_2$
111 **Павло Чорнокрылъ.** Повѣсть о томъ, какъ мужъ жену убилъ Марко-Вовчка 3
104 **Разсказы Ивана Ѳедотыча** Сочиненіе А Эртеля . . , ... 3

б) **Статьи.**

74 **Грѣхъ и безуміе пьянства.** Сборникъ поученій и бесѣдъ противъ пьянства. . . . . $1^1/_2$

в) **Для народнаго театра.**

25 **Первый винокуръ.** Комедія Л. Толстого. (Рис. Е. М. Бемъ) . . . . . $1^1/_2$
57 **„Бѣдность не порокъ“.** Комедія А Н. Островскаго. 10
61 **„Не такъ живи какъ хочется“.** Драма. Его же. . . . . , . . 10
55 **Что такое жена?** Н. А. Полушина. $1^1/_2$
79 **Василиса Марковна, или правда и въ сарафанѣ сильна.** Его же . . . . . $1^1/_2$
87 **Омутъ** Его же . . . . $1^1/_2$

№№		Коп.

ПОЛЕЗНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

а) Учебныя книжки.

127 **Краткая азбука.** Составлена по избраннымъ мѣстамъ изъ священнаго писанія 1
128 **Новая краткая азбука.** То же, съ церковно-славянскою азбукою. 2
113 **Азбука-картинка.** Уроки чтенія-письма по наглядно звуковому способу. И. Горбунова-Посадова и Я. Егорова. 8
114 **Красное солнышко.** Первая книга для чтенія дома и въ школѣ. И. Горбунова-Посадова и Я. Егорова. (Съ акварел. на обложкѣ, рисован. Е. М. Бемъ). 12
132 **Ариѳметика** въ вопросахъ и отвѣтахъ, для самообученія и обученія другихъ. Въ двухъ книжкахъ . . . 10

б) Книжки о здоровьѣ и болѣзни

134 **Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ** и при внезапномъ заболѣваніи людей. Составлено женщиной врачомъ 3
131 **О беременности, родахъ и уходѣ за** родильницей и новорожденнымъ. Составлено женщиной-врачомъ . . 3
135 **Объ уходѣ за малыми дѣтьми.** Составлено главнымъ докторомъ московской дѣтской больницы Е. А. Покровскимъ 6
129 **Совѣты матерямъ объ уходѣ за грудными дѣтьми.** Доктора Н. Ѳ. Михайлова. (Рисунокъ Е. М. Бемъ) . 1½
130 **Дурная болѣзнь, или сифилисъ.** Составлено женщиной-врачомъ В. К. Трутовскою 1½
139 **Дифтеритъ, или гнилая жаба** Составлено женщиной-врачомъ М. П. Рашковичь 3

в) Сельское хозяйство.

136 **Лошадь въ крестьянскомъ хозяйствѣ.** Ч. I. О покупкѣ лошади для крестьянскаго быта. Ч. II. Содержаніе лошади и уходъ за нею. Ч. III. Лѣченіе лошадиныхъ болѣзней . . . 5
138 **Сельскій скотолѣчебникъ** 15
137 **Про пчелъ и про уходъ за ними.** (Руководство къ разумному пчеловодству). Сост. учитель-пчеловодъ С. К. Краснoперовъ 10
133 **Землемѣріе.** (Со многими рисунками и чертежами). Б. Типа. 5
140 **Какъ выучиться разводить деревья.** М. К. Турскаго 5

СТѢННЫЕ ЛИСТКИ.

Любовь. Текстъ апостола Іоанна и подборъ пословицъ о братской любви. 1
Слово. Подборъ пословицъ о словѣ. 1
Вино. Бесѣда и подборъ пословицъ о пьянствѣ 1
Перестанемъ пить вино и угощать имъ. Бесѣда 1

КРАШЕНЫЯ КАРТИНЫ.

(Каждая картина отпечатана красками съ соотвѣтствующимъ изложеніемъ и помѣщена на листѣ размѣромъ въ 14—10 верш.)

а) Духовнаго содержанія.

1) **Искушеніе Господа нашего Іисуса Христа.** 25
2) **Страданіе Господа нашего Іисуса Христа.** 25
3) **Св. Ѳеодосій.** 5
4) **Притча о блудномъ сынѣ** 3
5) **Начало нагорной проповѣди** 3
6) **Христосъ съ учениками на полѣ въ субботу** 3
7) **Притча о милосердномъ самарянинѣ.** 3

б) Свѣтскаго содержанія.

8) **Вражье лѣпко, а Божье крѣпко.** Рисовалъ И. Е. Рѣпинъ 5
9) **Два брата и золото.** Рисовалъ И. Е. Рѣпинъ. 25
10) **Дѣвчонки умнѣе стариковъ..** 5
11) **Спѣсь** 5
12) **Ильясъ.** Рисовалъ А. Д. Кившенко. 5
13) **Сказка о дѣдкѣ и рѣпкѣ.** Рисовала Е. М. Бемъ 5
14) **Царь Канутъ и его придворные** . . . 5
15) **Миръ** По рисункамъ Лиценмаера . 6
16) **Война.** То же 6

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ НОВЫЯ КНИЖКИ И КАРТИНЫ.

Пересылка книгъ и картинъ на счетъ заказчиковъ.

Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 11 января 1893 г.

Тип. И. Д. Сытина и К°. въ Москвѣ.

Цѣна 30 коп.

Склады изданія: **въ Москвѣ,** въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина, у Ильинскихъ воротъ, домъ Титова и въ книжномъ магазинѣ М. Е. Конусова, у Страстного монастыря, домъ Чижовыхъ; **въ С.-Петербургѣ,** въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой, Литейный проспектъ, № 60.